

18+

ДОМ НА КРАЮ ПРИЛИВА

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

Евгений Волков

Дом на краю прилива

<https://litres.ru/74375152>

ISBN 9785007106337

Аннотация

После смерти знаменитой писательницы Евы Вороновой пятеро людей собираются в старом доме на острове Скарр. Семь дней, семь посмертных записей — и тайна гибели семнадцатилетней Алисы, которую пятнадцать лет считали несчастным случаем. Лея Воронова заново восстанавливает события той ночи и постепенно понимает: почти каждый в семье что-то скрывал. Но одна ложь оказалась опаснее остальных. «Дом на краю прилива» — психологический триллер о семейных тайнах, вине и цене молчания.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	53
ГЛАВА 5	70
ГЛАВА 6	87
ГЛАВА 7	108
ГЛАВА 8	126
ГЛАВА 9	147
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Дом на краю прилива

Евгений Игоревич Волков

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-0633-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Возвращение

К тому времени, когда паром коснулся причала Скарра, я уже трижды решила, что не стану ночевать в доме матери.

Решение было хорошее. Практичное. Даже выполнимое — примерно до того момента, когда матрос поднял аппарат за моей машиной и капитан, не выходя из рубки, коротко дал гудок.

Я вышла из старого «лендровера», который Марк оставил для меня у пристани, и посмотрела, как паром отходит от мокрых бетонных плит. На палубе стояли трое пассажиров, возвращавшихся на материк, и мужчина в желтом непромокаемом костюме придерживал рукой пустую тележку, чтобы та не укатилась на крене. Никто не смотрел на остров.

Я смотрела на паром.

Между ним и причалом быстро выросла полоса темной воды. Потом десять метров. Двадцать. Белая корма развернулась к ветру, и название судна стало нечитаемым за брызгами.

Мой телефон показал одну полоску сети.

Сообщение от редактора висело непрочитанным с утра: «Если захочешь отменить неделю, просто скажи. Мир переживет без тебя семь дней».

Мир, возможно, переживет.

Семья Вороновых — вопрос спорный.

Я убрала телефон в карман и закрыла ворот пальто. Ветер пах солью, дизелем и водорослями, выброшенными на камни. Не тем запахом, который сохраняет память. В памяти море всегда пахло летом, хотя большую часть года на Скарге оно пахло именно так — холодом и чем-то металлическим.

На кабине билетной кассы висела новая табличка: «ПРИ СИЛЬНОМ ПРИЛИВЕ НИЖНЯЯ ДОРОГА ЗАКРЫТА».

Ниже кто-то маркером приписал: «И НЕ СПОРЬТЕ С МОРЕМ».

Я помнила старую версию таблички. Без шутки.

Память вообще оказалась раздражающе выборочной. Я не могла вспомнить голос женщины, продававшей билеты пятнадцать лет назад, но точно знала, на какой ступеньке у кассы была трещина. Трещину залили новым бетоном.

Дом матери, вероятно, тоже отремонтировали.

Некоторые вещи семьи Вороновых любили особенно сильно: камень, хорошие переплеты и видимость того, что ничего не меняется.

Я села за руль.

Ключ уже был в замке зажигания. На пассажирском сиденье лежал конверт с моим именем, но почерк был Марка — твердый, угловатый, как будто он подписывал не записку сестре, а коробку для архива.

Внутри оказалась одна строка.

«Бак полный. У дома увидимся к ужину».

Ни «привет». Ни «как доехала». Семейное тепло в привычной дозировке.

Я завела двигатель.

Дорога от пристани сначала шла между низкими домами поселка, затем поднималась мимо старой часовни и расходилась у каменной стены. Влево — к лодочной станции и западной части острова. Вправо — к «Черному Утесу».

Я повернула вправо, не глядя налево.

Это было почти убедительно.

За поселком исчезли уличные фонари. Остров стал таким, каким я его помнила: каменные изгороди, прижатая ветром трава, редкие сосны с голыми нижними ветвями. Небо висело низко, но дождя пока не было. Свет быстро уходил, хотя было чуть больше четырех.

В детстве путь от пристани до дома казался длинным. Мы с Алисой успевали поссориться, помириться и снова поссориться, прежде чем машина добиралась до ворот.

Однажды она открыла окно на ходу и выбросила мою любимую шапку.

Отец остановил машину. Я заставила ее идти обратно по дороге и искать шапку под дождем. Алисе было девять, мне одиннадцать. Она вернулась промокшая, с грязью до колен и с моей шапкой на голове.

— Нашла, — сказала она и улыбнулась так, будто оказала мне услугу.

Я рассмеялась.

Сейчас воспоминание пришло без предупреждения и так отчетливо, что я на секунду увидела ее в зеркале заднего вида.

Я сразу посмотрела на дорогу.

Не из страха.

Из раздражения.

Мертвые не обязаны становиться лучше только потому, что умерли. Алиса могла быть невозможной. Эгоистичной. Злой. Смешной до боли в животе. Она воровала мои свитера и возвращала их с прожженными сигаретой рукавами. Она плакала, если отец повышал голос, а через пять минут могла сказать ему вещь, после которой плакать хотелось уже ему.

Пятнадцать лет люди говорили о ней так, будто смерть отредактировала характер.

Я тоже.

Нижняя дорога появилась за поворотом.

Она шла по каменной насыпи вдоль узкого залива, почти на уровне воды. Слева море уже переливалось через край некоторых плит, оставляя блестящие полосы. Еще не опасно. Но достаточно, чтобы я сбросила скорость.

Когда мы были детьми, отец запрещал ездить здесь за два часа до высокого прилива. Ева называла это его «архитекторской истерикой», пока однажды вода не заглушила ее машину посреди дороги.

Марк тогда сидел сзади и смеялся.

Алиса стояла коленями на сиденье и снимала все на ста-

рую видеокамеру.

Мать три года не позволяла никому вспоминать эту историю при гостях.

Я проехала мокрый участок и посмотрела на часы на панели: 16:18.

С детства я знала, когда вода перекроет дорогу, по виду темной полосы на нижних камнях. Сейчас не знала.

Или не хотела проверять, знала ли.

Через несколько минут дорога пошла вверх.

«Черный Утес» появился между деревьями не постепенно. Он всегда делал это внезапно.

Сначала каменная стена. Потом крыша. Потом весь дом — широкий, темный от дождей гранит, три этажа, длинные окна со стороны моря и две пристройки разных эпох, которые отец когда-то пытался заставить выглядеть частью одного здания.

Не получилось.

Мне нравилось это в нем больше всего.

Дом не был красивым в обычном смысле. Слишком большой для семьи, слишком близкий к краю скалы, слишком уверенный в собственной долговечности. Но в детстве я считала, что все дома должны стоять так, чтобы из половины окон было видно море.

У парадных ступеней стояла одна машина — черный седан Марка.

Значит, он уже приехал.

В окнах первого этажа горел свет, но на крыльцо никто не вышел.

Я заглушила двигатель.

Несколько секунд сидела, положив руки на руль.

Я приехала не на похороны. Похороны закончились два дня назад на материке, на кладбище, которое Ева выбрала сама, потому что островное, по ее словам, «слишком театральное». Я стояла у могилы рядом с людьми, которые знали ее книги лучше, чем ее саму, слушала, как издатель говорил о бесстрашии ее прозы, и думала только о том, что мать ненавидела белые лилии.

Их было не меньше сотни.

Сегодня должен был быть деловой этап смерти.

Завещание. Бумаги. Семь дней, о которых нотариус отказалась говорить по телефону.

Я могла справиться с бумагами.

Бумаги не смотрят на тебя глазами матери.

Я вышла из машины.

Ветер ударил сильнее наверху. Отсюда было видно восточное море — серое, с белыми рваными гребнями. Где-то за мысом паром уже шел к матерiku.

Я открыла багажник, достала чемодан и услышала глухой удар внутри дома.

Остановилась.

Еще один.

Дерево о дерево.

Я знала этот звук.

Боковая дверь на кухню, если ее не прижать до щелчка, при западном ветре ходила в раме. Отец обещал исправить замок лет двадцать подряд.

Я поднялась по ступеням, обошла дом и закрыла дверь.

Рациональное объяснение не сделало звук приятнее.

Внутри пахло полированным деревом, воском и книгами. Не затхлостью. Кто-то продолжал топить дом, проветривать его, менять цветы в вазе на столике. На дубовой консоли лежала стопка почты, сверху — литературный журнал с фотографией Евы на обложке.

«ПОСЛЕДНЯЯ КОРОЛЕВА ЗАГАДКИ»

Я перевернула журнал лицом вниз.

— Марк?

Дом ответил отопительными трубами.

Я оставила чемодан в холле.

На двери библиотеки висела полоска света, но внутри никого не было. На письменном столе стоял раскрытый ноутбук Марка, рядом кружка кофе. Значит, далеко он не ушел. Возможно, говорил по телефону в кабинете. Возможно, услышал меня и решил, что двадцать минут взаимного игнорирования станут достойным началом семейной недели.

Я не стала лишать его удовольствия.

Лестница на второй этаж скрипнула именно там, где скрипела всегда — под третьей балясиной. Я остановилась и посмотрела вниз, будто дом поймал меня на попытке пройти

незаметно.

На стенах висели фотографии.

Их стало меньше.

Раньше Ева любила семейные снимки, если они были достаточно хороши, чтобы показывать гостям. Не случайные. Не те, где кто-то ест, моргает или злится. Семья Вороновых в ее коридоре всегда смотрела в объектив.

Теперь между двумя рамами осталось светлое прямоугольное пятно.

Я знала, какая фотография там висела.

Вся семья на камнях под маяком, за год до смерти Алисы. Я — с волосами, которые ветер закрыл половину лица. Марк раздраженно щурится. Отец держит Алису за плечо. Мать стоит чуть в стороне и смотрит не в камеру, а на нас.

Я не стала искать, куда снимок перенесли.

Дверь кабинета Евы была закрыта.

В детстве закрытая дверь означала одно из двух: мать пишет или мать хочет, чтобы мы думали, что она пишет. Разница имела значение только для нее. Если из-под двери не было света, Алиса могла лечь на пол и просунуть под нее записку. Я стучала. Марк просто входил, когда считал вопрос достаточно важным.

Однажды Ева сказала, что по тому, как дети входят в комнату родителей, можно предсказать, какими взрослыми они станут.

— А по тому, как родители закрывают двери? — спросила

я.

Она посмотрела на меня поверх очков и сказала:
— Это уже другой роман.

Мне было шестнадцать. Тогда ответ показался умным. Позже я узнала профессиональную тайну людей, которым платят за хорошие фразы: удачная формулировка иногда всего лишь помогает быстрее закончить неприятный разговор.

На маленьком столике напротив кабинета стояла серебряная чаша с визитными карточками. Раньше там лежали ключи. Теперь — карточки ритуальной службы, нотариальной конторы, флориста. Между ними белел сложенный лист со списком доставленных цветов.

Фамилии были знакомые. Актеры, редакторы, политики, два писателя, которых Ева публично терпеть не могла и неизменно приглашала на дни рождения.

Я увидела свое имя внизу списка и остановилась.

«Лея Воронова — без цветов».

Кто-то записал мое пожелание. Наверное, Нора. Я действительно попросила не отправлять венок. Произнесла это в телефоне уверенно, почти сухо. На кладбище, среди сотни белых лилий, решение казалось принципиальным. Здесь, в двух метрах от двери матери, оно выглядело как еще один способ продолжить спор с человеком, который уже не мог ответить.

Я сложила лист обратно.

На верхнем этаже щелкнуло отопление. По трубам прошел короткий металлический стон.

Дом работал. Вот что было хуже всего.

После смерти человека ожидаешь хотя бы маленькой поломки мира. Часы должны остановиться. Электричество — мигнуть. Собака — отказаться от еды. Что-нибудь обязано заметить отсутствие.

Но батареи были горячими. В холодильнике, вероятно, стояло молоко с нормальным сроком годности. Счета продолжали приходить на имя Евы Вороновой. Кто-то выносил мусор. Кто-то протирал пыль с обложек ее книг.

Смерть матери изменила юридический статус дома быстрее, чем его температуру.

Я пошла дальше.

Моя комната была в конце коридора.

Дверь оказалась закрыта.

Я положила ладонь на ручку и вдруг вспомнила, что в девятнадцать лет оставила здесь половину вещей. Книги. Куртку. Коробку с кассетами. Синие ботинки, которые Алиса ненавидела.

После ее смерти я вернулась в комнату один раз — собрать паспорт и одежду на неделю.

Неделя растянулась на пятнадцать лет.

Я открыла дверь.

Первое, что я увидела, — кровать.

То же изголовье. Тот же шкаф. Письменный стол переста-

вили к окну, а стены перекрасили из бледно-зеленого в серый. Полка над столом была пустой.

На подоконнике стояла керамическая чашка, в которой я когда-то держала карандаши. Синяя глазурь треснула по краю. Я взяла ее и увидела на дне засохший круг пыли: предмет недавно переставляли. Не реликвия. Просто вещь, которую кто-то решил оставить.

Я открыла одну створку шкафа. Внутри висели пустые деревянные плечики и пахло кедровыми пластинами от моли. Никаких синих ботинок, никаких старых курток, никаких доказательств, что девятнадцатилетняя версия меня когда-то собиралась вернуться через неделю.

Это даже облегчило задачу. Если бы Ева хранила все как музей, я бы разозлилась. Если выбросила — тоже. Мать умела выигрывать споры, не присутствуя в комнате, задолго до того, как умерла.

Я закрыла шкаф.

Второе, что я увидела, — конверт.

Он лежал точно посередине письменного стола.

Я не подошла сразу.

В доме было тепло, но пальцы у меня оставались холодными.

Конверт был кремовый, плотный, из тех, которыми Ева пользовалась для личных писем. Она считала электронную переписку пригодной для логистики и недостаточно серьезной для всего остального.

На лицевой стороне стояло мое имя.

Не «Леечка». Никогда не «дочь».

«Лея».

Почерк я узнала раньше, чем успела сформулировать эту мысль.

Под именем было еще две строки.

Я прочитала их один раз.

Потом второй.

«Открой только в том случае, если снова решишь, что Алиса упала сама».

За окном море ударило о скалы. Звук пришел с задержкой, низкий и тяжелый.

Я поставила сумку на пол.

Клей на клапане уже не держал; конверт был закрыт только вложенным язычком. Я поддела его ногтем.

Внутри лежала фотография и сложенный пополам лист.

Фотография была старой полицейской распечаткой. Я узнала место не сразу из-за угла съемки: северная тропа возле маяка, мокрые камни, часть ограждения. В центре кадра лежал светлый предмет.

Шарф Алисы.

У меня сжались пальцы, и край фотографии хрустнул.

Я разжала руку.

На обороте стоял штамп с датой и временем: 18 октября, 07:14. Ниже — номер снимка из дела.

Я перевернула фотографию обратно.

Пятнадцать лет назад я видела ее среди других материалов. Или похожую. Я не могла поручиться. Тогда фотографии показывали не мне, а взрослым; я сидела в соседней комнате полицейского участка и слушала, как кто-то раз за разом произносит слово «несчастный».

Несчастный случай.

Несчастное падение.

Несчастливая ночь.

Как будто повторение превращало прилагательное в доказательство.

Я развернула лист.

Всего четыре слова.

«Сначала проверь время прилива».

Ни подписи.

Подпись не требовалась.

Я посмотрела на фотографию снова.

Тропа. Ограждение. Шарф. Камни за ним блестят от воды, но снимок сделан утром. Сам по себе он ничего не доказывал. Шторм был сильный. Прилив менялся. За пятнадцать лет я построила карьеру на людях, которые находили смысл там, где существовало только совпадение.

Ева знала это лучше многих.

Именно поэтому меня раздражало, что записка сработала.

Я достала телефон.

Сеть исчезла совсем.

Подошла к окну. Одна полоска появилась, затем снова

пропала.

Я открыла браузер и ввела: «приливы Скарр архив 2011».

Страница не загрузилась.

Я почти рассмеялась.

Мать умерла два дня назад и уже умудрилась поставить меня в точку дома, где плохо ловит связь.

За стеклом темнело. Далеко внизу вода медленно забира-
лась на нижние камни. Та самая дорога, по которой я прие-
хала, отсюда не была видна, но я знала, где она проходит: за
восточным выступом, низко над заливом.

Я снова взглянула на время на фотографии.

07:14.

Потом на четыре слова.

Сначала проверь время прилива.

В коридоре скрипнула половица.

Я быстро перевернула лист текстом вниз.

Шагов не последовало.

— Марк?

Тишина.

Я вышла из комнаты.

Коридор был пуст.

Дверь комнаты Алисы напротив находилась в нескольких
метрах от моей. Я не заметила ее, когда поднималась. Или
заметила и не позволила себе это признать.

Ручка едва заметно двигалась.

Раз.

Пауза.

Еще раз.

Я стояла и смотрела.

Потом ветер ударил в стену дома, и дверь качнулась в раме.

Не заперта.

Только плохо закрыта.

Я могла подойти и прижать ее до щелчка.

Не подошла.

Вернулась в свою комнату, закрыла дверь и положила фотографию рядом с телефоном.

Экран наконец поймал сеть.

Страница открылась.

Архив гидрографической службы попросил выбрать дату.

Я ввела 17 октября 2011 года.

Палец завис над кнопкой поиска.

Внизу хлопнула дверь.

На этот раз не ветер.

Кто-то вошел в дом.

Я нажала «найти».

ГЛАВА 2

Нижняя дорога

Архив загрузился ровно в тот момент, когда внизу второй раз хлопнула дверь.

На экране появилась таблица приливов за 17 октября 2011 года. Цифры были мелкими, синими, лишенными всякой драматургии. Низкая вода — 17:42. Высокая — 23:56. Ниже шло примечание о поправке для Скарра: расчетная, плюс-минус восемнадцать минут в зависимости от ветра и давления.

Я перечитала строку дважды.

Фотография шарфа была сделана в 07:14 следующего утра. На сайте пришлось отдельно открыть восемнадцатое число: низкая вода — 06:11.

Через час после отлива.

И что?

Я открыла график. Синяя линия опускалась до шести утра, потом начинала медленно подниматься. Я сделала снимок экрана и машинально создала в заметках новый файл: «Скарр». Поставила дату, переписала четыре времени, добавила номер полицейской фотографии. Только после этого заметила, что веду себя ровно так, как веду себя в первый день любого расследования.

Мне не понравилось слово «расследование», даже мыс-

ленно.

Я переименовала заметку в «Прилив». Это было смешнее, чем хотелось признать.

В работе я всегда начинала с того, что отделяла факт от объяснения. Факт: мать оставила полицейскую фотографию. Факт: на обороте есть время. Факт: она велела проверить прилив. Объяснение — пока отсутствует. Все остальное было тем, чем люди обычно заполняют пустое место между двумя фактами, когда не выносят неизвестности.

Пятнадцать лет назад мы заполнили его словом «несчастный случай».

Я поймала себя на том, что слишком долго смотрю на эту строчку, и закрыла заметки.

Я приблизила полицейский снимок на телефоне. Шарф лежал на камнях верхней тропы, достаточно высоко, чтобы море вряд ли добиралось туда даже в сильный прилив. По фотографии нельзя было понять, мокрый он или просто темный от дождя. Камни вокруг блестели. В октябре на Скарге это описывало примерно половину существующих камней.

«Сначала проверь время прилива».

Мать не написала: «Ты увидишь, что полиция ошиблась». Не написала: «Алиса не падала». Она дала мне действие, словно знала, что приказ раздражает меня меньше, если замаскировать его под проверку факта.

Снизу слышались шаги.

Я погасила экран и убрала фотографию с запиской в кон-

верт. Не потому, что собиралась что-то скрывать от Марка. Просто пятнадцать лет работы научили меня не показывать документ человеку до того, как услышишь его версию без документа.

Это правило особенно удобно применять к родственникам.

Когда я вышла на лестницу, Марк как раз снимал мокрую куртку в холле. На полу под ботинками темнели следы. Волосы у него были влажные, лицо — раздраженное так, будто погода нарушила соглашение, которое он лично с ней подписал.

— Так это ты вошел.

Он посмотрел вверх.

— Я здесь живу уже три дня. Странно было бы стучать.

— Я думала, ты в библиотеке.

— Был. Потом проверял генератор.

Он повесил куртку на крючок и только тогда посмотрел на меня внимательнее.

— Ты нашла комнату?

— Я выросла в ней.

— Это не ответ.

— Тогда да.

Марк кивнул. Ни вопроса о том, как я себя чувствую. Ни предупреждения о том, что Ева что-то оставила. Значит, либо он не знал о конверте, либо был лучше меня в той самой игре с версиями.

— Нора звонила, — сказал он. — К половине восьмого все будут здесь. Она тоже подключится. Ужин в семь.

— Все — это кто?

— Ты действительно не читала письмо нотариуса?

— Я прочитала часть, где мне велели приехать на семь дней и не задавать вопросы по телефону.

— Значит, главную часть ты прочитала.

Он пошел в сторону библиотеки.

— Марк.

Остановился.

— Где на острове хранят местные таблицы приливов?

Вопрос заставил его повернуться полностью.

— Что?

— Не прогноз на сегодня. Архивные поправки. Для бухт и маяка.

— С каких пор ты интересуешься гидрографией?

— Примерно четыре минуты.

Марк посмотрел на часы.

— У Керна спроси.

Я знала, какого именно Керна он имеет в виду, и все равно позволила паузе затянуться.

— Даниэль теперь заведует морем?

— Только той его частью, где люди регулярно пытаются утонуть. Он ведет спасательную станцию и лодочную. Если где-то сохранились местные таблицы, они у него или в портовом офисе.

— Портовый офис закрыт?

— В это время года он существует скорее как концепция.

Я посмотрела на окно у входной двери. Снаружи уже начинал идти дождь — мелкий, почти горизонтальный.

— До станции сколько?

— Лея.

— Я помню дорогу.

— Тогда помни и воду. Нижнюю перекроет минут через двадцать.

— Отлично.

— Это не приглашение ехать быстрее.

— Я и не просила разрешения.

Он выдохнул носом. В детстве это означало, что Марк мысленно составляет список моих ошибок и пока не решил, какую озвучить первой.

— Высокая вода сегодня в семнадцать двадцать восемь,

— сказал он. — Ветер с запада нагоняет раньше. Если поедешь сейчас, обратно до спада можешь не вернуться.

— Ужин переживет.

— Ева, вероятно, нет.

Я посмотрела на него.

— Эту проблему она предусмотрела.

На секунду лицо Марка стало не злым, а усталым.

— Да, — сказал он. — Это у нее получилось лучше всего.

Через пять минут я снова сидела в «лендровере».

Дождь уже стучал по крыше. Дворники размазывали воду

по стеклу, и дом исчезал из зеркала быстрее, чем должен был при скорости двадцать миль в час.

На спуске к заливу я включила фары.

У нижней дороги море выглядело ближе, чем сорок минут назад. Вода перекатывалась через край насыпи тонкими листами и уходила между плитами. Еще можно было проехать. Я сбросила скорость до шага и почувствовала, как поток толкнул колеса сбоку.

Отец сказал бы развернуться.

Ева сказала бы, что отец драматизирует.

Алиса открыла бы окно.

Я проехала.

На другом конце дороги стоял белый служебный пикап с оранжевой полосой. За ним мужчина вытаскивал из кузова складной дорожный знак.

Я узнала Даниэля не по лицу.

По тому, как он поставил знак на асфальт, прижал ногой основание против ветра и только потом посмотрел на машину, которая только что проехала по участку, явно предназначенному для закрытия.

Пятнадцать лет назад он точно так же смотрел, когда я делала что-нибудь, что считал ненужным риском. Без паники. Без крика. С выражением человека, которого вынудили присутствовать при чужой плохой идее.

Я остановилась рядом.

Даниэль подошел к водительской двери.

Ни один из нас не улыбнулся.

— Ты всегда приезжала вовремя, — сказал он.

Голос изменился меньше, чем я ожидала.

— Ты всегда начинал с комплимента.

Он взглянул на воду за моей машиной.

— Это не был комплимент.

— Тогда все осталось на месте.

— Не совсем.

Порыв ветра ударил дождем в открытую щель окна. Я подняла стекло на несколько сантиметров.

Он был старше, разумеется. Это наблюдение было настолько бессмысленным, что я разозлилась на себя за него. Не старше того человека, которого я помнила. Старше вместе со мной. В этом была неприятная разница.

— Я еду на лодочную станцию, — сказала я.

— Уже приехала не туда.

— Очень смешно.

— Станция дальше по западной дороге. Но обратно через низину ты сейчас не проедешь.

Как будто в подтверждение, волна перелилась через край и оставила поперек дороги полосу белой пены.

— Пять минут назад проехала.

— Море не подписывало договор повторять трюк.

Это мог сказать только человек, проведенный слишком много лет рядом с водой. Или человек, выросший на Скарре.

Он развернул знак лицом к дороге. «ЗАКРЫТО: ПРИ-

ЛИВ».

— Мне нужно сорок минут, — сказала я.

— Вода не интересуется твоим расписанием.

— И ты, вижу, тоже.

Он посмотрел на меня чуть дольше.

— Я пятнадцать лет не интересовался твоим расписанием, Лея. Давай не ломать хорошую систему в первый час.

Попал точно. Без повышения голоса.

Я положила обе руки на руль.

— Где оставить машину?

— У станции. После пика посмотрим. Если ветер не усилится, примерно через час дорога начнет отдавать обратно то, что забрала.

— У меня ужин.

— Соболезную.

Он пошел к своему пикапу.

Я задержалась еще на секунду. Вода уже закрывала те плоские камни, по которым я только что проехала. На Скарре прилив никогда не выглядел как событие. Не было одной волны, после которой мир становился другим. Просто еще один камень исчезал, потом еще один, и в какой-то момент дорога переставала быть дорогой.

В детстве мне казалось несправедливым, что море может менять правила, не предупреждая. Теперь я знала: предупреждения были. Просто они редко звучали так, как людям хотелось.

Я могла развернуться и поставить машину у закрытого знака, как будто этим доказала бы что-то важное. Вместо этого поехала за ним.

Лодочная станция изменилась сильнее дома.

Когда мы были подростками, это был деревянный сарай, два причала и автомат с кофе, который выдавал жидкость цвета ржавчины. Теперь к старому зданию пристроили металлический ангар, на крыше вращался маленький ветровой датчик, а у стены стояла яркая спасательная лодка на прицепе. Над дверью горела белая лампа.

Даниэль припарковался рядом и жестом показал место для меня.

Внутри пахло мокрой веревкой, резиной и кофе. Последний, судя по виду машины в углу, все еще был способен растворять металл.

От прежней станции сохранилась дальняя стена. Я поняла это по латунному колоколу возле двери — маленькому, с зеленоватым налетом у крепления. Раньше им звонили, если кто-то возвращался с моря в тумане. В шестнадцать лет Алиса однажды дернула веревку посреди тихого июльского дня и заставила половину поселка выйти к воде. Даниэль потом полчаса объяснял ей разницу между шуткой и сигналом бедствия.

Она слушала, кивая с таким серьезным лицом, что я почти поверила в раскаяние. На следующий день к языку колокола была привязана записка: «На случай, если бедствие

будет скучным».

Я посмотрела на веревку. Теперь она была обрезана выше человеческого роста.

— Это из-за Алисы? — спросила я.

Даниэль проследил мой взгляд.

— Нет. Туристы.

— Разочаровывающе.

— Она бы тоже так сказала.

Мы оба замолчали.

Он произнес ее имя без осторожности. Не снизил голос, не сделал паузу перед ним, как делали люди на похоронах, будто «Алиса» стало словом, требующим разрешения. Я не знала, благодарна ли ему за это.

На стене над рабочим столом висела карта острова под прозрачным пластиком. Берег был исчерчен карандашными отметками глубин и короткими датами. Рядом — фотографии спасательных лодок, сертификаты, список дежурств. Ни одного снимка семьи. Ни одного нашего.

Глупо было ждать.

Пятнадцать лет — достаточно долгий срок, чтобы убрать фотографию человека, который однажды уехал, а потом сделал молчание своим самым последовательным способом общения.

Я сама не хранила его снимков на виду. Это казалось веским аргументом ровно до тех пор, пока я не вспомнила коробку в нижнем ящике стола в моей квартире.

Даниэль открыл шкаф, и я отвернулась к карте.

— Ты здесь работаешь? — спросила я.

— Иногда.

— Марк сказал, ты владеешь станцией.

— Это не исключает работу.

Я сняла мокрое пальто.

— У меня конкретный вопрос.

— Я догадался. Ты редко приезжала ко мне просто посмотреть на лодки.

Фраза прозвучала почти нейтрально. Почти.

Он повесил мою куртку на спинку стула, не спрашивая, и тут же отступил к столу. Когда-то я знала, где в доме его отца лежат запасные кружки. Теперь не знала, куда положить руки в помещении, которое принадлежало ему.

— Мне нужны таблицы приливов за октябрь две тысячи одиннадцатого, — сказала я.

Даниэль перестал открывать шкаф.

Пауза была короткой. Ее можно было бы не заметить, если бы я не зарабатывала на жизнь тем, что замечала короткие паузы.

— Зачем?

— Сравниваю кое-что.

— Что именно?

— Время.

— Очень исчерпывающе.

Он достал две кружки.

— Мне не нужен кофе.

— Тогда не пей.

Он налил обе.

Я осталась стоять.

— В интернете есть таблица, но она дает поправку плюс-минус восемнадцать минут.

— Для общего прогноза нормально.

— А если мне нужно точнее?

— Через пятнадцать лет?

— Через пятнадцать лет.

Даниэль оперся ладонями о стол.

— Есть архив метеостанции. Есть данные порта на материке. Старые локальные таблицы могли остаться в бумагах совета. Но точность, которую ты ищешь, зависит не только от таблицы. Ветер, давление, направление волны. На западной стороне вода может прийти иначе, чем в южной бухте.

— А у маяка?

Его взгляд изменился.

Не сильно. Он просто перестал смотреть на меня как на человека, который неожиданно появился спустя пятнадцать лет, и посмотрел как на вопрос, который нужно правильно понять прежде, чем отвечать.

— Что у маяка?

— Прилив. Он отличается?

Даниэль взял свою кружку, но не отпил.

— Там скала. Все зависит от точки.

— От какой точки?

— Лея.

— Что?

— Ты приехала два часа назад.

— И уже успела задать вопрос. Продуктивный день.

Он поставил кружку.

— Почему маяк?

Я подумала о конверте в кармане сумки. О фотографии шарфа. О четырех словах матери.

— Потому что Алису нашли после того, как она пошла туда.

Я ожидала, что он ответит взгляд.

Он не отвел.

— Ее нашли не у маяка.

— Я знаю.

— Тогда формулируй точнее.

В голосе появилась резкость, которой секунду назад не было.

Я почувствовала знакомое профессиональное движение внутри: не подозрение еще, а желание повторить вопрос медленнее и посмотреть, что изменится.

— Полиция решила, что она упала со скалы возле маяка,
— сказала я. — Мне нужно понять воду в ту ночь.

Даниэль молчал.

Снаружи ветер толкнул металлическую дверь ангара. Где-то в стене коротко дрогнуло стекло.

— Ты расследуешь смерть сестры? — спросил он.

— Нет.

Он поднял бровь.

— Я проверяю одну вещь.

— Конечно.

— Что означает это «конечно»?

— То, что ты всегда называла расследованием момент, когда уже переставала спать.

— Ты не знаешь, как я работаю.

— Теперь — нет.

Это «теперь» осталось между нами дольше, чем следовало.

Я взяла кружку только для того, чтобы сделать что-нибудь руками. Кофе был слишком горячим.

— Мать оставила мне фотографию, — сказала я.

Даниэль посмотрел на сумку.

— Какую фотографию?

— Полицейскую. Северная тропа. Шарф Алисы.

Он медленно выпрямился.

— Ева хранила материалы дела?

— Похоже.

— И что она написала?

— Почему ты решил, что она что-то написала?

— Потому что Ева не оставляла людям фотографии без инструкции, что с ними чувствовать.

Я неожиданно усмехнулась.

Смех вышел коротким и сразу исчез. Но он был первым, что между нами не требовало защиты.

Даниэль тоже почти улыбнулся. Потом посмотрел в окно.

За стеклом по асфальту текла вода. С дальнего края бухты срывалась белая пыль брызг.

— Завтра будет хуже, — сказал он.

— Насколько?

— Ночью придет фронт. Потом ветер развернется на северо-запад. Паром, скорее всего, снимут минимум на день. Может, на два.

— Очень гостеприимно.

— Остров старается.

— Марк сказал примерно то же самое.

— Тогда впервые за много лет я с ним согласен.

Я посмотрела на часы. 17:19.

— Высокая вода в двадцать восемь?

— По таблице. Здесь сегодня раньше на несколько минут.

— Из-за западного ветра.

Он взглянул на меня.

— Ты быстро учишься.

— Я читаю.

— Это тоже помню.

Я поставила кружку на стол.

— Значит, старые поправки можно получить у совета?

— Я посмотрю, что у меня оцифровано. Не обещаю, что сегодня.

— Я не просила тебя искать.

— Ты приехала ко мне в прилив за таблицами пятнадцатилетней давности. Есть формы просьбы более изящные, но смысл обычно тот же.

Мне хотелось сказать, что я справилась бы сама.

Вместо этого я спросила:

— Почему ты здесь сегодня?

— Я здесь почти каждый день.

— Я не о станции.

Даниэль не ответил сразу.

— Нора позвонила вчера. Сказала быть в «Черном Утесе» сегодня вечером и взять вещи на неделю.

— Тебе тоже?

— Похоже, мы оба читаем письма нотариуса выборочно.

— Ева оставила тебе что-то?

— Нора не сказала.

Ветер ударил в окно так сильно, что на мгновение стекло выгнулось внутрь.

Даниэль повернул голову к бухте, оценил волну и снова посмотрел на меня.

— Мне интереснее другое.

— Что?

— Ева сказала тебе, почему позвала именно меня?

ГЛАВА 3

Условия

— Нет, — сказала я.

Даниэль не переспросил.

За окном лодочной станции вода почти сравнялась с краем дороги. Белая пена проходила по асфальту короткими языками и исчезала в канаве. На часах над дверью было 17:21. Я посмотрела на него, потом на карту острова.

— Ева не объясняла мне, зачем ты нужен.

— Мне тоже.

— И ты все равно пришел.

— Ты тоже.

Это было трудно оспорить, поэтому я не стала.

Мы выехали со станции через сорок минут. К тому времени дождь стал ровнее, а вода на нижней дороге перестала прибывать. Даниэль проехал первым, медленно, держась ближе к каменной стене. Я повторяла его траекторию, хотя сама себе сказала, что делаю это из-за света его фар, а не потому, что доверяю ему выбирать дорогу.

В «Черный Утес» мы приехали без десяти семь.

У дома теперь стояли еще две машины.

Серебристый универсал отца я узнала сразу. Он менял машины каждые несколько лет, но всегда покупал один и тот же цвет, будто серый был не цветом, а способом не принимать

решение. Рядом стоял темно-синий арендованный седан.

— Александр, — сказал Даниэль, заметив мой взгляд.

— Ты следишь за его автопарком?

— На острове одна прокатная машина такого класса. Она приехала утренним паромом.

— Конечно, ты знаешь.

— Я живу здесь.

Он сказал это без вызова, но фраза все равно нашла нужное место.

Я заглушила двигатель.

— В семь ужин.

— Марк прислал расписание?

— Марк родился с расписанием.

На этот раз Даниэль улыбнулся открыто. Всего на секунду.

Потом мы вышли под дождь.

В холле было теплее, чем следовало. На батарее сушились мужские перчатки, у лестницы появились два чемодана, а из столовой доносился голос Виктора.

— ...я не говорю, что нужно было игнорировать ее желание. Я говорю, что мертвые обычно не назначают совещания.

— Твоя бывшая жена всегда любила нововведения, — ответил Александр.

Я остановилась, снимая пальто.

Голос Александра я слышала на похоронах два дня назад. Тогда он говорил у могилы о том, что Ева «никогда не боялась человеческой правды». Я едва не рассмеялась в самый

неподходящий момент.

Сейчас в его голосе не было траурной гладкости. Это почему-то раздражало меньше.

Марк вышел из библиотеки с телефоном в руке.

— Семь минут, — сказал он вместо приветствия.

— И я тоже рада тебя видеть.

Он посмотрел на Даниэля.

— Нора подключится в половине восьмого. Связь проверили.

— Поздравляю, — сказал Даниэль.

Марк задержал на нем взгляд.

— Комната тебе приготовлена на втором этаже.

— Я живу в четырех километрах отсюда.

— Это вопрос к Еве, не ко мне.

— Большинство вопросов здесь теперь к Еве.

Марк поджал губы. Я вспомнила его мокрые следы в холле час назад, вопрос о генераторе и то, как быстро он сообщил Даниэлю, где тот будет спать. Три дня в доме явно дали брату ощущение временного назначения управляющим всем, что осталось после матери.

— Отец уже здесь? — спросила я.

— В столовой.

— А Александр?

— Тоже.

Он перевел взгляд на мою сумку.

— Ты нашла то, что искала у Керна?

— Кофе.

— Тогда поездка оправдана.

Я прошла мимо него.

Виктор стоял у окна столовой с бокалом воды. Не вина. Я заметила это раньше лица и тут же разозлилась на себя.

Он обернулся.

— Лея.

Пять лет назад он перестал пить. По крайней мере, так говорил Марк. Мы виделись с отцом трижды за это время — два раза в ресторанах и один раз на похоронах его старшего брата. Во всех трех случаях между нами стояла вода в красивых бутылках и осторожное соглашение не обсуждать прошлое.

Сейчас он выглядел старше, чем два дня назад. Возможно, похороны просто позволяли людям временно спрятаться за правильной одеждой.

Он подошел и раскрыл руки, не касаясь меня.

Я сама сделала последний шаг.

Объятие получилось коротким.

— Как добралась?

— По воде и против здравого смысла.

— Значит, нормально.

Он посмотрел на меня внимательнее, но не спросил ничего еще.

Александр поднялся из-за стола.

Ему было немного за пятьдесят, и он принадлежал к ред-

кой категории мужчин, которые с возрастом становятся не привлекательнее, а убедительнее. На похоронах он был в черном пальто. Сейчас — темные брюки, белая рубашка без галстука, рукава закатаны ровно на два оборота.

— Лея.

— Александр.

Он протянул руку. Я пожала.

— Мне жаль, что мы снова встречаемся при таких обстоятельствах.

— У нас не было других.

Едва заметная пауза.

— Справедливо.

За спиной появился Даниэль.

Александр повернулся к нему с теплой деловой улыбкой.

— Керн. Давно не виделись.

— На похоронах были в одной часовне.

— Я имел в виду до этого.

— Тогда да.

Я посмотрела на стол.

Пять мест.

Не четыре семейных и одно гостевое. Пять одинаковых приборов.

Раньше за этим столом мест всегда было больше, чем нужно. Ева ненавидела тесноту и держала два лишних стула даже за семейным ужином, будто в любой момент мог появиться человек, которого стоило впечатлить. Сегодня лишние сту-

лья убрали к стене. Один стоял возле серванта, второй у окна. Я поймала себя на том, что считаю: отец, Марк, я, Александр, Даниэль. Пять.

Алиса не имела отношения к арифметике, но ее отсутствие все равно выглядело шестым местом.

Я выбрала стул спиной к окну. В детстве там сидел отец. Мать предпочитала место напротив двери, откуда видела каждого, кто входил или пытался выйти. Сейчас ее стул остался пустым не из уважения. Просто никто не захотел его занимать.

Марк вошел последним.

— Можно хотя бы поесть до нотариуса?

— Это ты спрашиваешь или объявляешь? — сказал Виктор.

— Я пытаюсь добиться одного нормального действия за вечер.

— Ошибка в выборе дома, — сказал Александр.

Марк не улыбнулся.

Ужин приготовила женщина из поселка, которую я не знала. Она оставила все в духовке и ушла до прилива. Рыба, картофель, теплый хлеб, салат, который никто не трогал. Разговор сначала держался на безопасных вещах: дороге, погоде, отмене завтрашнего парома.

Потом отец спросил:

— Кто-нибудь знает, что именно Нора собирается нам сказать?

Марк положил вилку.

— Я знаю то же, что и вы.

— Ты три дня здесь.

— Потому что разбираю документы.

— Какие?

— Те, которые остаются, когда человек умирает.

— Очень конкретно.

— Отец.

Одно слово, и я снова услышала, как Марк разговаривал с ним в двадцать три. Тогда он тоже умел ставить точку голосом.

Александр отломил кусок хлеба.

— Нора сказала мне только, что сегодня будет оглашена отдельная часть распоряжений Евы.

— Отдельная от завещания? — спросила я.

— Формально — приложение к структуре траста.

Марк посмотрел на него.

— Ты это откуда знаешь?

— От Евы. Она обсуждала со мной судьбу литературных прав.

— Когда?

— В течение последних двух лет. Это не тайна.

— Для меня, видимо, была.

— Ты управлял текущими лицензиями. Она обсуждала наследование.

Марк взял стакан.

— Удивительно удобное разграничение.

В 19:28 ноутбук на буфете издал короткий сигнал.

Марк встал так быстро, будто ждал освобождения.

Экран включился, и появилась Нора Бекет. За ее спиной были белая стена, книжный шкаф и край настольной лампы. Она все еще носила тот же серый костюм, в котором была на похоронах, или имела несколько одинаковых. Для нотариуса это казалось разумным.

— Добрый вечер. Все присутствуют?

Марк повернул ноутбук так, чтобы камера охватывала стол.

— Пятеро.

Нора посмотрела на экран.

— Лея, Виктор, Марк, Александр, Даниэль. Благодарю.

Я заметила, как отец слегка повернул голову при имени Даниэля. Не удивился. Скорее проверил, действительно ли слышал правильно.

— Прежде чем мы начнем, — сказала Нора, — я хочу уточнить одну вещь. То, что я сейчас оглашу, не является требованием находиться на острове против вашей воли. Вы вправе уехать в любой момент, когда транспортное сообщение позволяет сделать это безопасно.

— Обнадешивает, — сказал Виктор.

Нора не отреагировала.

— Однако добровольный отъезд до истечения установленного срока будет иметь финансовые последствия, преду-

смотренные Евой Вороновой в наследственном трасте.

Марк наклонился вперед.

— Какие именно?

Я посмотрела на него.

Конечно.

Нора открыла папку.

— Срок составляет семь последовательных календарных дней, начиная с сегодняшнего дня. Окончание — в двадцать два часа седьмого дня, после выполнения последнего условия.

— Какого условия? — спросил отец.

— Каждый вечер в двадцать два часа все пятеро должны присутствовать в «Черном Утесе» при просмотре одной видеозаписи, подготовленной Евой заранее.

Никто не сказал ничего.

Дождь прошел по окнам столовой мелкой дробью.

Я посмотрела на Марка. Он смотрел не на Нору, а на темный экран телевизора у дальней стены.

— Семь записей, — продолжила она. — По одной на каждый день. Записи не могут быть открыты раньше установленного времени.

— Не могут юридически или технически? — спросил Александр.

Нора подняла глаза от папки.

— Технически.

— Значит, она использовала свой архивный контур?

Я посмотрела на него.

Нора сделала паузу.

— Насколько я понимаю, да.

Александр кивнул.

— Тогда файлы, вероятно, зашифрованы отдельно от обычного хранилища. Ева настроила такую систему для поздних рукописей после утечки три года назад.

— Ты знаешь устройство ее домашнего архива? — спросила я.

Он повернулся ко мне.

— Издатель иногда знает, где автор хранит единственную копию книги, за которую издательство уже заплатило.

— Единственную?

— Ева любила драму, но не настолько. Были резервные копии.

Нора кашлянула.

— В данном случае доступ контролирует отдельная программа. Я не располагаю ключами до назначенного времени и не могу изменить последовательность.

— Мама оставила квест, — сказал Марк.

— Марк, — произнес Виктор.

— Что? Мы все думаем это слово, просто я экономлю время.

— Ева называла бы это структурой, — сказал Александр.

— Ты, конечно, знаешь, как она это называла.

На этот раз Александр не ответил.

Нора продолжила:

— Если кто-либо из пяти участников добровольно покинет Скarr до окончания срока без медицинской необходимости или распоряжения экстренных служб, его индивидуальная доля из условного резерва переходит фонду «Северный берег».

— Размер? — спросил Марк.

Отец посмотрел на него.

— Seriously?

— Да, серьезно. Если она привязала поведение живых людей к деньгам, я хочу знать к каким.

Нора назвала сумму.

Даже Александр перестал держать лицо нейтральным.

Я не пересчитала ее в квартиры, годы зарплаты или количество причин ненавидеть мать. Марк, судя по выражению, сделал все три операции сразу.

— И это только индивидуальная часть? — спросил он.

— Да. Кроме того, существует общий семейный резерв. Если один из вас добровольно прекращает участие, половина этого резерва также уходит фонду, независимо от того, кто именно уехал.

— То есть она поставила нас следить друг за другом, — сказал Виктор.

— Формулировка траста иная.

— Уверен.

— А если уедут двое? — спросил Марк.

Я посмотрела на него.

Он заметил.

— Я не собираюсь уезжать. Я выясняю правила.

— Ты всегда сначала выясняешь цену, — сказала я.

— Потому что цена существует независимо от того, нравится тебе это или нет.

Нора подняла ладонь.

— Есть еще одна часть. У каждого из вас есть отдельный имущественный интерес, который окончательно переходит к вам только после завершения семи дней.

Она начала читать.

Марк — контрольный пакет компании, управляющей частью литературных прав и семейных активов.

Мне — денежный траст и доля в доме, которую я не просила.

Виктору — инвестиционный счет и несколько объектов, оставшихся в совместной собственности после развода.

Александру — право первоочередного продления издательского пакета на ограниченный срок, при соблюдении отдельных финансовых условий.

И Даниэлю — тридцатилетняя аренда лодочной станции за символическую плату, плюс целевой фонд содержания спасательной инфраструктуры и маяка.

Я повернулась к нему.

Он смотрел на Нору.

— Она владела землей под станцией, — сказал он после

паузы. — Не оборудованием.

— Верно, — ответила Нора. — Оборудование ваше. Земля и причал принадлежат семейному земельному трасту.

— Принадлежали, — поправил Марк.

— Пока наследование не завершено, корректнее настоящее время.

Марк откинулся на спинку стула.

— Прекрасно. Даже грамматика временно принадлежит матери.

Виктор закрыл глаза.

— Можно отказаться от своей части прямо сейчас? — спросила я.

Нора посмотрела на меня.

— Можно отказаться от наследства. Это не отменит последствий для общего резерва, если вы покинете остров раньше срока.

— Конечно.

Мать предусмотрела принципиальность и назначила ей цену для остальных.

Я посмотрела на Даниэля. Он провел большим пальцем по краю стакана.

— А если я просто не приду к просмотру? — спросил он.

— Это считается прекращением участия.

— Даже если я нахожусь на острове?

— Да.

— Она очень хотела аудиторию, — сказал Александр.

— Она всегда хотела аудиторию, — ответила я.

На экране Нора закрыла первую папку и открыла вторую.

— Последнее. Первый просмотр сегодня в двадцать два часа. Система активируется автоматически на телевизоре в гостиной. В помещении должны находиться все пять участников. Камера присутствия встроена в систему и фиксирует только факт нахождения людей в комнате. Запись не ведется.

— Это вы проверяли? — спросил Марк.

— Независимый специалист проверил систему вчера.

— Кто нанимал специалиста?

— Я.

— Кто его выбрал?

— Ева оставила список из трех компаний. Я выбрала одну.

Марк медленно кивнул, будто нашел пункт, который пока не мог оспорить.

— И что будет на первой записи? — спросил Виктор.

Нора впервые за весь разговор изменилась в лице.

Не сильно. Просто перестала выглядеть человеком, читающим документ.

— Этого я не знаю.

— Вы не смотрели их? — спросил Александр.

— Нет.

— Но знаете, когда она их записала?

— Метаданные указывают на последние четыре месяца ее жизни. Некоторые файлы были изменены позже других.

— Изменены как? — спросила я.

— Я не могу ответить. Содержимое зашифровано.

Марк посмотрел на часы.

20:06.

Почти два часа.

Нора дала нам еще несколько юридических разъяснений, которые я запомнила хуже суммы и лучше собственного желания встать из-за стола. Когда экран погас, никто не двинулся.

Пять приборов. Пять людей. Семь вечеров.

Отец первым нарушил тишину.

— Она не могла просто оставить письмо.

— Могла, — сказал Александр. — Не захотела.

Марк встал.

— Я проверю систему до десяти.

— Нора сказала, ее уже проверили, — сказала я.

— Нора не живет в доме, где мать решила проводить по-
смертные эксперименты.

— Не сломай ничего.

Он посмотрел на меня.

— Трогательная вера в мои способности.

— Это вера в твой характер.

Марк взял ноутбук и вышел.

Виктор посмотрел ему вслед.

— Он нервничает.

— Мы все нервничаем, — сказала я.

— Марк считает нервность плохим управлением.

Даниэль поднялся.

— Я заберу вещи из машины.

— Я помогу, — автоматически сказал Виктор.

— Там одна сумка.

— Тогда справишься.

Это прозвучало как старый семейный разговор.

Он вышел.

Александр начал собирать со стола тарелки.

Я посмотрела на него.

— Неожиданно домашнее.

— Ева считала посудомоечную машину доказательством цивилизации. Я уважаю ее убеждения.

— Вы знали про записи?

— Нет.

— Но про систему знали.

— Про архив. Не про то, что она собирается использовать его таким образом.

Он поставил тарелки одна на другую.

— Если тебе интересно, Лея, я тоже пытаюсь понять, зачем я здесь.

— У вас хотя бы есть издательские права.

— У Марка есть компания. У тебя дом. У Даниэля при-
чал. Это объясняет деньги, не присутствие.

Из коридора донесся звук двери кабинета, потом голос Марка:

— Александр, где у нее был резервный доступ к архивному серверу?

Александр повернул голову.

— В нижнем ящике стола лежал аппаратный ключ. Если Ева его не перенесла.

Я посмотрела на него.

Он уже шел к двери.

— Ты же не знал ее домашний архив, — сказала я.

Александр остановился.

— Я сказал, что знаю архив. Это не одно и то же, что знать записи.

И ушел к Марку.

Отец налил себе воды. Снаружи ветер ударил в окна.

20:13.

До первой записи оставалось час сорок семь.

Я подумала о конверте наверху, о шарфе на мокрых камнях и о четырех словах матери.

Сначала проверь время прилива.

Ева не просто собрала нас в доме.

Она дала мне фору.

ГЛАВА 4

Комната Алисы

Фора была сомнительным подарком.

Я поднялась на второй этаж с мыслью, что за час сорок семь минут можно сделать много разумных вещей: позволить редактору, принять душ, разобрать чемодан, попытаться выяснить, зачем Ева привязала пятерых взрослых людей к телевизору на семь вечеров.

Вместо этого я остановилась перед дверью комнаты Алисы.

Теперь она была закрыта.

В первый раз, когда я проходила мимо, ручка двигалась от ветра. Потом дверь осталась приоткрытой. Я точно это помнила, потому что сознательно не стала ее закрывать.

Я положила ладонь на латунную ручку.

— Не надо.

Марк стоял у другого конца коридора.

Я не услышала, как он поднялся. Ноутбук он держал под мышкой, в другой руке был короткий черный кабель. На лице было то выражение, с которым он обычно говорил людям, что вопрос уже решен, просто они пока не ознакомились с решением.

— Что именно? — спросила я.

— Заходить туда.

Я убрала руку с ручки.

— Почему?

— Потому что до десяти осталось полтора часа, и я предпочел бы провести их без семейной истерики.

— Чьей?

— Выбирай.

Он подошел ближе.

— Комнату почти не трогали после Алисы.

— Пятнадцать лет?

— Не буквально.

— Тогда это называется «трогали».

— Лея.

— Марк.

Мы постояли друг напротив друга. В детстве он был выше меня настолько, что спорить приходилось, запрокидывая голову. Теперь разница осталась, но перестала иметь стратегическое значение.

— Мама меняла постель, — сказал он наконец. — Заказывала уборку. Пару раз перекрашивали рамы. Но вещи в основном оставила как были.

— Очень здорово для психики всех участников.

— Я не говорил, что это здорово.

— Ты сказал «не надо» так, будто защищаешь комнату от меня.

— Возможно, защищаю тебя от комнаты.

Я усмехнулась.

— Ты вдруг стал специалистом по моим пределам?

— Нет. Просто я здесь был больше трех часов за последние пятнадцать лет.

Попал.

Он сделал это без удовольствия, что раздражало сильнее.

— И сколько раз ты туда заходил?

Марк посмотрел на дверь.

— Достаточно.

— Число.

— Ты интервью у меня берешь?

— Пока нет.

— Тогда не начинай с плохих вопросов.

Он повернулся, собираясь идти.

— Марк.

— Что?

— Дверь была открыта, когда я приехала.

Он замер на полшага.

— И?

— Сейчас закрыта.

— Удивительная особенность дверей.

— Ты ее закрыл?

Пауза была короткой.

— Возможно. Я хожу по этому дому третий день.

— То есть не помнишь?

— То есть не веду журнал дверных ручек.

Он поднял кабель, будто напоминая, что у него есть более

взрослые занятия.

— Не трогай систему в гостиной.

— Уже говорила.

— А комнату Алисы — можно?

Марк посмотрел на меня так, что я почти услышала, как в его голове меняется формулировка ответа.

— Делай что хочешь. Ты все равно сделаешь.

Он ушел вниз.

Я подождала, пока скрипнет лестница.

Потом открыла дверь.

Запах оказался первым ударом.

Не духи Алисы. Я не помнила, какими духами она пользовалась в семнадцать, хотя должна была. В комнате пахло чистым бельем, старой бумагой и слабым сладким запахом деревянной мебели, которую регулярно полировали.

Комната мертвого человека, которую пятнадцать лет подерживали в порядке, пахнет не смертью.

Она пахнет работой живых.

Я вошла.

Кровать стояла у стены под окном. Узкое белое покрывало, две подушки, на одной едва заметная складка. На пробковой доске над столом сохранились открытки, вырезки из журналов, билет на концерт и фотография Алисы с двумя девочками, чьи имена я не смогла вспомнить.

Стены были темно-синие.

Я забыла цвет.

Сразу после ее смерти я много раз мысленно возвращалась сюда и каждый раз видела стены зелеными. Возможно, потому что моя собственная комната тогда была зеленой. Возможно, память просто не уважала интерьер.

На подоконнике лежали три плоских белых камня. Я узнала их. Мы привезли их с материка, когда Алисе было двенадцать. Она утверждала, что островные камни недостаточно гладкие, и эта претензия к геологии Скарра казалась ей совершенно разумной.

Я коснулась одного пальцем.

Холодный.

На столе стояла чашка с ручками, фломастерами и двумя засохшими кистями. Рядом — старая настольная лампа, стопка тетрадей, деревянная шкатулка с отколотым углом.

Ничего театрального.

Никаких свечей, фотографий в серебряных рамках, засушенных цветов.

Ева не превратила комнату в алтарь.

Она сделала что-то хуже: оставила ее пригодной для возвращения.

Шкаф был закрыт.

Я открыла его не сразу.

С Алисиным шкафом у нас была длинная история. В тринадцать она решила, что мои вещи «лучше сидят на людях с характером», и следующие четыре года это служило универсальным объяснением исчезновения одежды. Однажды я

нашла у нее свой серый свитер, две майки и шарф, который искала с Рождества. Алиса лежала на кровати и читала, не поднимая глаз.

— Это кража, — сказала я.

— Это перераспределение ресурсов.

— Верни.

— Какой именно?

Тогда я швырнула в нее подушкой. Сейчас шкаф открылся бесшумно.

Одежда висела по цветам.

Это было самым убедительным доказательством присутствия матери во всей комнате.

Алиса не раскладывала ничего по цветам. Она не раскладывала ничего вообще, если существовала возможность создать кучу.

На вешалках остались джинсовая куртка, несколько плащей, школьный пиджак с вышитой эмблемой, два толстых свитера. Между ними были промежутки, словно часть одежды забрали и потом решили не сдвигать остальное. На полке сверху стояли коробки с обувью.

Я вытащила одну.

Внутри лежали красные резиновые сапоги.

На подошве засохла светлая грязь, въевшаяся в рисунок. Я провела пальцем по краю и тут же вернула сапог. В последнюю ночь Алиса была не в них. Это я помнила. Черные ботинки, темные джинсы, непромокаемый плащ. Эту одежду

перечисляли столько раз, что она превратилась в часть официальной версии.

Я закрыла коробку.

На внутренней стороне дверцы шкафа скотчем была приклеена сложенная бумага. Я сняла ее, ожидая фотографию или записку.

Оказалось школьное уведомление.

«Повторное нарушение правил поведения. Несанкционированный доступ в административный кабинет. Отказ назвать цель».

Внизу стояла подпись Алисы — размашистая, почти декоративная.

Под ней ее рукой было приписано: «Цель: узнать, почему взрослые так любят запираť скучные вещи».

Я фыркнула.

Вот эта Алиса была мне знакома.

Не мученица с фотографий на годовщину смерти. Не вечная семнадцатилетняя девочка, о которой люди говорили осторожными словами. Человек, который полез в закрытый кабинет просто потому, что дверь была закрыта, а потом считал формулировку обвинения более интересной, чем наказание.

Я сложила лист обратно и приклеила на прежнее место.

От этого жеста мне стало хуже.

Пятнадцать лет я говорила себе, что не приезжаю потому, что остров хранит слишком много воспоминаний. Это зву-

чало почти уважительно.

Правда была менее красивой.

Я не приезжала, потому что здесь воспоминания не подчинялись мне. Они содержали детали, которые я не выбирала.

Я проверила тетради на столе, не открывая каждую до конца. Большинство были школьными: французский, история, математика. В одной между страницами лежал листок с перечнем имен и короткими замечаниями.

«Мира — врет, когда улыбается слишком широко».

«Том — боится отца больше, чем директора».

«Лея — думает, что молчание делает ее правой».

Я задержалась на последней строке.

Ни даты, ни пояснения.

Мне хотелось решить, что это шутка. Хотелось еще сильнее потому, что формулировка звучала слишком похоже на Алису: достаточно смешно, чтобы отбиться от вопроса, и достаточно точно, чтобы вопрос остался.

Я закрыла тетрадь и положила ее ровно туда, где она лежала.

Журналист во мне уже составлял список предметов. Сестра во мне хотела переставить все обратно так, чтобы ничего не пришлось помнить.

Я подошла к доске.

Билет был на группу, которую Алиса слушала три месяца, а потом объявила коммерческой. На открытке из Лиссабона

Виктор написал ей: «Не покупай очередную куртку, пока меня нет». Алиса приписала внизу другим почерком: «Слишком поздно».

Я улыбнулась раньше, чем успела решить, хочу ли.

Потом увидела пустое место.

В правом нижнем углу пробковой доски четыре кнопки образовывали прямоугольник. Под ними бумага была чуть светлее, чем вокруг.

Что-то сняли.

Это могло произойти десять лет назад.

Или вчера.

Я наклонилась ближе.

На столе под доской не было пыли. Комнату убирали. Значит, по пыли я ничего не определяю.

Я открыла верхний ящик.

Кабели. Старый плеер. Четыре лака для ногтей, давно слоившиеся внутри флаконов. Блокнот с пустыми страницами.

Во втором — одежда для спорта, свернутая слишком аккуратно для Алисы.

В третьем ящик застрял на половине.

Я потянула сильнее.

Он вышел с сухим деревянным скрежетом.

Внутри лежали фотографии.

Не альбом. Просто пачки в бумажных конвертах, несколько полароидов, старые распечатки. Я села на пол.

Это была плохая идея.

Плохие идеи в нашей семье редко выглядели плохо заранее. Обычно они выглядели как необходимость.

На первой фотографии Алисе было лет десять. Она стояла на краю причала в огромном оранжевом спасательном жилете, который доходил ей почти до колен, и показывала кому-то за камерой язык.

На второй мы вдвоем с Марком сидели на ступенях дома. Мне четырнадцать, ему восемнадцать, Алисе двенадцать. Марк смотрел в книгу. Алиса тянула руку к его волосам. Я уже смеялась, потому что знала, что будет через секунду.

Я положила снимок обратно.

Следующий конверт был подписан рукой Евы: «лето».

Без года.

Внутри оказалась фотография, снятая у маяка.

Та самая.

Я узнала ее по собственной голове, закрытой волосами, по руке отца на плече Алисы, по раздраженному лицу Марка.

Фотография, которая раньше висела в коридоре.

Я подняла глаза на дверь.

Ева сняла ее со стены и положила сюда.

Или кто-то другой.

На обороте не было даты. Только печатный номер лаборатории и карандашная буква «А».

Я положила снимок на колени и стала перебирать остальные.

Пляж. Рождество. День рождения Виктора. Алиса в школьной форме. Ева с бокалом шампанского на террасе. Даниэль лет двадцати, отвернувшийся от камеры, пока я держу его за рукав.

Эту фотографию я не помнила.

Мы стояли у лодочной станции. Я смеялась. Он что-то говорил мне, и моя рука была на его куртке так естественно, будто существовала там всегда.

Я перевернула снимок.

На обороте Алиса написала: «Они думают, что никто не замечает».

Я закрыла глаза на секунду.

— Конечно, замечала.

Мой голос прозвучал в комнате лишним.

Я вернула снимок в пачку.

Под ним лежал пустой прозрачный кармашек для фотокарты или маленькой карты памяти. На пластике была старая наклейка: «А. V. / окт.».

Я машинально взяла его.

Пустой.

Это тоже ничего не значило.

Карты памяти теряются. Их вынимают. Переставляют. Выбрасывают. Пятнадцать лет — достаточно времени для любой банальности.

Но я уже не умела смотреть на пустой контейнер и видеть только пластик.

Я положила его обратно в тот же конверт.

И остановилась.

Не в тот же.

Бумажные конверты внутри ящика были расположены по годам — неидеально, но последовательно. Старые снимки ниже, новые сверху. Конверт с фотографией у маяка лежал между пачкой, где Алисе было тринадцать, и снимками ее последнего лета.

Прозрачный кармашек оказался под ними, у задней стенки.

Я посмотрела на ящик.

На дне оставались две тонкие параллельные царапины, свежие по цвету: светлое дерево внутри не успело потемнеть.

Я провела ногтем.

Ящик недавно вытаскивали дальше обычного.

Или я только что сама сделала это.

Я посмотрела на боковую планку. Одна царапина доходила до точки, которую мой нынешний рывок мог задеть. Вторая находилась выше.

Определенность закончилась быстрее, чем хотелось.

Я встала и осмотрела стол.

Лампа. Шкатулка. Тетради.

Шкатулка открылась легко.

Внутри — серьги, цепочка, несколько монет, засохший бутон, ключ.

Маленький плоский ключ на круглом кольце без бирки.

Я не тронула его.

Слишком много предметов начинали выглядеть как улики только потому, что я вошла в комнату с намерением что-нибудь найти.

Я закрыла шкатулку.

В коридоре слышались шаги.

Я успела подумать, что это Марк, и разозлиться заранее.

В дверях появился Даниэль.

Он остановился на пороге.

— Извини.

— За что?

— Не знал, что ты здесь.

— Я тоже пятнадцать лет не знала.

Он не вошел.

На нем была сухая темная толстовка вместо мокрой куртки. В руке — телефон.

— Я нашел у себя часть старых таблиц, — сказал он. — Не за весь октябрь. Отец оцифровывал журналы после того, как совет потребовал отчеты по маяку.

Я посмотрела на экран в его руке.

— Уже?

— Ты сказала, что не просила. Это значительно ускорило процесс.

— У тебя семейная черта спорить с благодарностью?

— Нет. Я просто давно не практиковался с тобой.

Я протянула руку за телефоном, но он не сделал шаг через

порог.

Пришлось подойти самой.

На экране был список файлов с датами. Семнадцатого октября я не увидела.

— Тут нет нужного дня.

— Именно.

Я подняла глаза.

— Что значит «именно»?

— Между четырнадцатым и девятнадцатым нет файлов. Может, не оцифровали. Может, оригинал в бумагах.

— Где бумаги?

— Часть в старом доме смотрителя. Часть могла уйти в архив совета.

— «Могла»?

— Моему отцу было трудно расставаться с бумагами. Особенно с теми, которые по закону принадлежали не ему.

Я вернула телефон.

— Завтра?

— Если погода позволит.

— Ты сказал, что завтра будет хуже.

— Я не говорил, что нельзя выйти из дома. Я говорил, что паром могут отменить.

За его плечом коридор был пуст.

— Марк знает, что ты здесь? — спросила я.

Даниэль посмотрел в комнату, не заходя.

— В доме?

— В этой части дома.

— Он выдал мне комнату через две двери.

Я почти спросила, почему он не входит. Потом поняла, что ответ меня раздражит независимо от содержания.

Он посмотрел на пробковую доску.

— Здесь почти ничего не изменилось.

— Ты давно не был?

— Да.

Одно короткое слово.

Я ждала продолжения.

Его не последовало.

— Ева держала ее такой все эти годы?

— Похоже.

Даниэль перевел взгляд на меня.

— Ты в порядке?

— Ужасный вопрос.

— Знаю.

— Тогда зачем задаешь?

— Иногда плохой вопрос лучше красивого молчания.

Я отвернулась к столу.

На пачке фотографий сверху все еще лежал снимок у ма-
яка.

Даниэль увидел его.

Его лицо не изменилось, но взгляд задержался.

— Это висело в коридоре, — сказал он.

— Ты помнишь?

— Эту фотографию видели все, кто приходил в дом.

— Теперь она здесь.

— Ева могла перенести.

— Могла.

Я положила снимок обратно в конверт.

— А могла не она.

Он посмотрел на меня.

— Что ты нашла?

— Пока ничего.

— По твоему голосу — уже подозреваемого.

— По моему голосу ты теперь тоже ничего не знаешь.

— Справедливо.

Из первого этажа донесся короткий сигнал телевизора.

Потом голос Марка:

— Не трогай!

Даниэль посмотрел в коридор.

— Видимо, система сопротивляется управлению.

— У них с Марком много общего.

Он ушел вниз, а я осталась еще на минуту.

Я закрыла ящик до конца.

Он вошел легко.

Потом снова выдвинула его.

На этот раз я смотрела не внутрь, а на ручку.

Латунь была чистой, отполированной. Под ней, у нижнего края фасада, темнел крошечный мазок.

Черный.

Я коснулась его подушечкой пальца.

Смазка или резина.

Тот же матовый черный цвет был на коротком кабеле, который Марк держал, когда остановил меня у двери.

Совпадение было настолько удобным, что я сразу ему не поверила.

Я вытерла палец о салфетку и вышла из комнаты.

Марк стоял на коленях перед тумбой в гостиной. Рядом лежал ноутбук, два переходника и тот самый черный кабель. Александр что-то говорил ему о сетевом модуле. Виктор сидел у камина с книгой, которую не читал. Даниэль стоял у окна.

До десяти оставалось двадцать две минуты.

Марк поднял голову.

— Нашла что-нибудь интересное?

Вопрос прозвучал слишком непринужденно.

Я посмотрела на его руки.

На большом пальце правой руки тянулась тонкая темная полоса.

— Нет, — сказала я.

И впервые за вечер он мне не поверил.

ГЛАВА 5

Ложь

Марк не спросил второй раз.

Он вернулся к кабелям, а я села в кресло у камина и сделала вид, что меня интересует экран.

На самом деле меня интересовал его большой палец.

Черная полоса уже исчезла. Он вытер руку о джинсы или просто стер ее, взясь с разъемами. Ничего, что можно было бы превратить в факт. Даже не улика — бытовая грязь, получившая плохую репутацию исключительно потому, что я увидела ее после комнаты Алисы.

Я знала этот механизм слишком хорошо. Сначала человек появляется в поле подозрения. Потом все его движения начинают выглядеть как продолжение вины.

В работе я всегда предупреждала команду: если версия объясняет каждую деталь, скорее всего, мы просто перестали искать детали, которые ей мешают.

С братом правило работало хуже.

— Еще раз, — сказал Марк.

— Ты уже три раза включал заставку, — отозвался Александр.

— Я проверяю синхронизацию.

— В двадцать два ноль-ноль программа сама решит, что думает о твоей синхронизации.

Марк бросил на него взгляд.

— Спасибо. Именно этого я и боялся услышать от человека, который знает систему матери лучше меня.

Александр стоял у тумбы, засунув руки в карманы. Он не защищался. За вечер я успела понять, что это его удобная форма превосходства: позволить чужой колкости исчерпать себя без помощи.

— Я знаю ее издательский архив, — сказал он. — Это не одно и то же.

— Разница, безусловно, огромная.

— Для людей, которые понимают предмет, да.

— Мальчики, — сказал Виктор из кресла у окна.

Марк выпрямился.

— Мне тридцать восемь.

— И это делает реплику еще печальнее.

Отец по-прежнему держал книгу раскрытой на одной странице. Я заметила, что за последние десять минут он не перевернул ни одной.

Даниэль стоял у окна. Снаружи было почти полностью темно. В стекле отражалась гостиная: лампы, камин, пять фигур и пустой дверной проем в коридор. За отражением иногда проступал белый срыв волны далеко внизу.

— Дорога уже открылась? — спросил Виктор.

Даниэль посмотрел на часы.

— Нижняя — да. Если никто не решит ехать туда прямо сейчас, даже лучше.

— Учитывая цену прогулки, — сказал Марк, — желающих не будет.

— Ты говоришь так, будто нас заперли деньгами, — сказал отец.

— Нас заперли последствиями. Это взрослая версия денег.

Я посмотрела на экран телефона: 21:43.

Семнадцать минут.

В обычной жизни это было ничто. В монтажной за семнадцать минут можно успеть испортить хороший эпизод, выпить кофе и вернуть все как было. В доме Евы Вороновой время почему-то ощущалось материальным. Семнадцать минут лежали между нами и тем, что мать считала достаточно важным, чтобы организовать после собственной смерти.

— Ты собираешься что-нибудь рассказать о конверте? — спросил Марк.

Я подняла глаза.

Он сидел на корточках у тумбы и не смотрел на меня.

Виктор закрыл книгу.

Александр повернул голову.

Даниэль остался у окна.

— Каком конверте? — спросил отец.

— Лея приехала и через десять минут начала искать архив приливов за две тысячи одиннадцатый, — сказал Марк. — Я предположил, что интерес к гидрографии не возник спон-

танно.

— Ты мог спросить меня раньше.

— Спросил сейчас.

— И уже дал остальным половину ответа.

— Тогда сэкономил тебе время.

Я посмотрела на Даниэля. Он знал о фотографии и записке, но не вмешался.

— Мама оставила в моей комнате полицейскую фотографию, — сказала я.

Виктор медленно положил книгу на подлокотник.

— Какую?

— С северной тропы. Шарф Алисы.

Никто не произнес ее имя следом.

— И? — спросил Марк.

— И записку.

— Что в ней?

Я могла не отвечать. Пятнадцать лет профессиональной привычки подсказывали именно это: сначала услышать версии, потом показывать документ.

Но это была не съемочная группа. И если Ева хотела заставить нас играть в недостаток информации, я не была обязана помогать.

— «Сначала проверь время прилива».

Виктор нахмурился.

— В ту ночь?

— Я так решила.

— Что показало?

— Ничего однозначного.

— Тогда зачем она это оставила?

— Если бы я знала, мы могли бы пропустить следующие шесть дней.

Отец посмотрел на окно, будто вода могла объяснить себя через стекло.

Александр спросил:

— На фотографии есть отметка времени?

— Есть.

— Когда сделана?

— Утром. В семь четырнадцать.

Он слегка кивнул.

— После отлива.

Я посмотрела на него.

— Ты помнишь таблицу приливов пятнадцатилетней давности?

— Нет. Я помню, что тело нашли утром после шторма и что поиски возобновили на спаде воды. Это обсуждалось месяцами.

Формулировка была безупречной.

Марк встал.

— Мама не оставила мне ничего подобного.

— Ты уверен? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— В отличие от тебя я проверил комнату, которую мне

дали.

— Я говорила не о комнате.

На секунду он перестал выглядеть раздраженным.

Только на секунду.

— Если хочешь спросить, рылась ли я в твоих вещах, — сказала я, — пока нет.

— Очень успокаивает это «пока».

Виктор потер переносицу.

— Можно не начинать до того, как Ева начнет за нас?

— Она уже начала, — сказал Даниэль.

Все посмотрели на него.

Он кивнул на нас — на комнату, кабели, пустые стаканы, фотографию, которой здесь даже не было.

— Мы сидим в гостиной и спорим о записке человека, который умер два дня назад. По-моему, у нее неплохой старт.

Марк хотел ответить, но телевизор коротко звякнул.

21:55.

На черном экране появился белый круг, затем надпись:
«ПРОВЕРКА ПРИСУТСТВИЯ»

Ни логотипа. Ни имени Евы.

Под текстом возникло пять пустых квадратов.

— Очаровательно, — сказал отец.

Первый квадрат стал зеленым.

Потом второй.

Третий.

Четвертый.

Пятый остался серым.

Марк повернулся к Даниэлю.

— Подойди ближе.

— Очень убедительное приглашение.

— Камера тебя не видит.

Даниэль отошел от окна к креслу. Пятый квадрат позеленел.

Экран написал:

«5 ИЗ 5».

А ниже:

«ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ В 22:00».

Отец тихо выругался.

— Она бы получила огромное удовольствие, — сказал он.

— Получила, — ответил Александр. — Она это проектировала живой.

Я посмотрела на него. Он не заметил или не захотел показать, что заметил.

В 21:59 никто больше не говорил.

Я села на край дивана. Марк занял кресло напротив. Виктор остался у камина. Александр выбрал стул чуть в стороне, откуда видел и экран, и всех нас. Даниэль сел ближе к окну, но уже внутри зоны камеры.

За стенами ветер усилился. В дымоходе прошел низкий гул, словно дом на секунду вдохнул глубоко.

Часы на полке переключились на 22:00.

Экран погас.

Потом появилась Ева.

Не фотография. Не заставка.

Мать сидела в своем кабинете в сером кресле у окна. За ее плечом была книжная полка и край письменного стола. Свет падал сбоку, слишком мягко для случайной домашней записи. На ней была темно-зеленая рубашка, которую я помнила: она надевала ее на интервью, когда хотела выглядеть менее знаменитой.

Волосы короче, чем на похоронной фотографии. Лицо худее.

Живая.

Тело отреагировало раньше мысли. Я перестала дышать.

Ева посмотрела прямо в камеру.

— Если вы видите эту запись, значит, я умерла, Нора выполнила инструкции, а Марк не сумел разобрать систему раньше назначенного времени.

Отец коротко рассмеялся.

Марк не шевельнулся.

Уголок рта Евы на экране дрогнул.

— Не обижайся, Марк. Я предусмотрела попытку.

— Ненавижу ее, — тихо сказал брат.

Но слишком тихо, чтобы это прозвучало убедительно.

Ева продолжила:

— Вас пятеро. Если кто-то отсутствует, запись остановится через тридцать секунд и условие дня не будет выполнено. Поэтому, если вы уже начали ссориться, советую делать это

в пределах комнаты.

Я почти увидела, как она писала эту фразу заранее и была довольна собой.

— Сегодня я не собираюсь объяснять завещание. Нора сделала это лучше, чем сделала бы я, а главное — короче.

Она опустила взгляд на лист бумаги, лежащий вне кадра, но не стала читать.

— Я хочу поговорить об Алисе.

В гостиной изменилось что-то физическое.

Не тишина. Она и до этого была.

Виктор поставил стакан на стол слишком осторожно. Марк сцепил руки. Даниэль смотрел на экран, не моргая. Александр чуть откинулся на спинку стула.

Я почувствовала конверт в кармане брюк, хотя не касалась его.

— Пятнадцать лет назад моя дочь погибла на Скарре, — сказала Ева. — Полиция установила, что она вышла из дома одна, поднялась к маяку во время шторма, поскользнулась и упала. Я публично приняла это заключение. Большинство из вас — тоже.

Она сделала паузу.

— Это было удобно.

Отец выдохнул через нос.

— Ева...

Она не могла услышать.

И все равно он замолчал.

— За следующие семь дней вы узнаете, почему Алиса погибла.

Почему.

Не кто.

Я услышала слово именно потому, что весь день пыталась не превращать материнскую записку в обвинение.

На экране Ева сложила руки на коленях.

— И почему один из вас до сих пор лжет мне о той ночи.

Марк резко повернул голову к отцу.

Виктор заметил.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Ты посмотрел.

— Вы оба можете подождать? — сказала я.

Мой голос прозвучал чужим.

Ева продолжала, и нам пришлось снова смотреть на нее.

— Я выбираю слово «лжет» сознательно. Не ошибается.

Не забыл. Не помнит иначе. Лжет.

Теперь Александр перестал сидеть расслабленно.

Не сильно. Он просто поставил обе ступни на пол.

Ева не меняла выражения лица.

— Это не означает, что остальные четверо рассказали всю правду. Семьи редко обладают такой роскошью. Но один из вас сделал выбор, который продолжает делать до сих пор.

Марк произнес:

— Кому именно она говорит «мне»? Она же знала, что

умрет.

— Заткнись, — сказал Виктор.

Это было первое грубое слово от него за вечер.

Марк посмотрел на отца.

Ева на экране наклонилась вперед.

— Марк.

Брат замер.

Я почувствовала, как у меня по предплечьям проходит холод.

— Ты особенно не любишь, когда вопрос задан неточно. Поэтому я задам точный. Ты по-прежнему утверждаешь, что после ужина в ночь смерти Алисы не видел ее до начала поисков?

Марк не ответил.

Разумеется, не ответил. Это была запись.

Но его лицо стало пустым тем особым образом, который я знала с детства. Не отсутствие реакции. Контроль над реакцией.

Ева ждала несколько секунд, будто оставила место для ответа намеренно.

Потом сказала:

— Хорошо. Пока оставим это здесь.

Я смотрела на брата.

Он смотрел только на экран.

— Это манипуляция, — сказал он.

— Она задала вопрос, — сказала я.

— Человеку, который не может ответить ей.

— Ты можешь ответить нам.

Он повернулся ко мне.

— Я дал показания пятнадцать лет назад.

Не «нет».

Не «я ее не видел».

Я почувствовала, как внутри включается та самая часть меня, которую я весь день пыталась назвать чем угодно, кроме следователя.

На экране Ева снова откинулась в кресле.

— Не беспокойтесь. У меня есть вопросы к каждому из вас. Я просто не собираюсь задавать их в удобном порядке.

Ее взгляд на секунду сместился в сторону, будто кто-то находился за камерой. Затем вернулся.

— Александр. Спасибо, что приехал. Ты наверняка считаешь всю эту конструкцию чрезмерной. Не спорь пока с формой. Ты всегда говорил, что содержание важнее.

Она не задала ему вопроса.

Не обвинила.

Просто задержала на камере взгляд на несколько секунд и пошла дальше.

Александр медленно провел большим пальцем по косяшке указательного.

— Виктор. Несколько лет трезвости — серьезная работа. Но она не делает человеческую память точнее.

Отец застыл.

На столе возле него стояла вода.

Ева смотрела в камеру несколько секунд, и мне впервые показалось, что запись сделана не для нас пятерых вместе, а для каждого отдельно — просто мать, как обычно, не видела причины выбирать.

— Даниэль, ты здесь не из-за Леи.

Я не повернула голову.

Это потребовало усилия.

— Если она решит иначе, пусть это будет ее ошибка, не твоя.

Теперь я все-таки посмотрела на него.

Он не встретил мой взгляд.

Марк коротко усмехнулся.

— Вот и романтическая часть программы.

— Марк, — сказала я.

— Что? Она сама начала.

На экране Ева посмотрела вниз на часы.

— Лея.

Мое имя прозвучало иначе, чем в письме. Не теплее. Просто голосом.

Я сжала пальцы между коленями.

— Ты считаешь себя человеком, который умеет отличать правду от версии. Это полезная профессия. Иногда даже полезный характер.

— Но ты не исключение из этой семьи.

Я перестала чувствовать ногти в ладони.

— Завтра ты получишь возможность проверить первый факт, который не зависит от памяти ни одного человека в этой комнате. До тех пор не решай, что уже поняла, о чем эта история.

Фотография.

Прилив.

Я почувствовала почти физическое раздражение от того, что мать опять разговаривает со мной глаголами повелительного наклонения.

— И последнее на сегодня, — сказала Ева.

Ее лицо стало серьезнее. Или мне просто хотелось увидеть изменение.

— В последний год моей жизни я дала каждому из вас возможность исправить одну ложь, связанную с той ночью.

Виктор поднял глаза.

Марк перестал двигать ногой.

Александр смотрел на экран.

Даниэль медленно вдохнул.

Я ничего не поняла.

Ева продолжила:

— Не одновременно. Не одинаковыми словами. Некоторые из вас поняли вопрос. Некоторые сделали вид, что нет. Но возможность была у каждого.

Она посмотрела прямо в камеру.

— Никто ею не воспользовался.

Экран почернел.

Несколько секунд оставался только шум ветра.

Потом появилось:

«ДЕНЬ 1 ЗАВЕРШЕН»

И ниже:

«СЛЕДУЮЩАЯ ЗАПИСЬ — 22:00».

Марк первым встал.

— Чушь.

— Тогда ответь на ее вопрос, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Я уже ответил полиции.

— Это снова не ответ.

— А ты уже решила, что мама говорила обо мне?

— Она назвала тебя первым.

— Потому что знала, что ты сделаешь именно это.

— Что?

— Схватишь первое подозрение и назовешь его объективностью.

Он прошел мимо меня к двери.

— Марк.

Он не остановился.

Виктор сказал:

— Оставь его.

— Почему?

Отец посмотрел на темный экран.

— Потому что сегодня она добилась именно того, чего хотела.

— А чего она хотела?

— Чтобы мы начали смотреть друг на друга вместо нее.
Александр поднялся.

— Это не значит, что она ошибалась.

Виктор медленно повернулся к нему.

— Ты всегда так хорошо ее понимал?

— Нет, — сказал Александр. — Если бы понимал, меня бы здесь не было.

Он вышел вслед за Марком.

Даниэль остался у окна. Я чувствовала его присутствие сбоку, но не хотела сейчас добавлять к остальным словам матери еще и его имя.

Я смотрела на место, где секунду назад было лицо Евы.

В последний год моей жизни я дала каждому из вас возможность исправить одну ложь.

Я перебрала последние разговоры с матерью.

Их было немного.

Короткие звонки. День рождения отца. Сообщение после выхода моего фильма. Редкая переписка, в которой две женщины старательно обсуждали работу, книги и погоду, чтобы не обсуждать друг друга.

Потом я вспомнила один разговор.

За восемь месяцев до ее смерти.

Ева позвонила поздно вечером и спросила, помню ли я, что сказала Алисе перед тем, как та ушла из дома.

Я ответила, что мы поссорились.

Она сказала:

«Я спросила не об этом».

Я положила трубку через две минуты.

Все это время я считала разговор очередным способом матери открыть старую рану и посмотреть, что внутри.

Теперь он выглядел иначе.

Не доказательством.

Вопросом, от которого я однажды уже ушла.

— Лея? — сказал Даниэль.

Я встала.

— Мне нужно найти Марка.

— Сейчас?

— Особенно сейчас.

Я дошла до двери и остановилась.

— А тебя что она спрашивала?

За спиной стало тихо.

Я обернулась.

Даниэль стоял там же, у темного окна.

— Не сегодня, — сказал он.

Не «ничего».

Не «я не знаю, о чем она говорила».

Я кивнула.

— Тогда хотя бы один человек в этом доме понял инструкцию.

Я вышла в коридор.

ГЛАВА 6

Свет в кабинете

Марк нашелся не сразу.

Библиотека была пуста. На столе остался его ноутбук, экран погас, рядом лежали два переходника и отвертка. Кабель, которым он занимался перед записью, исчез.

Я проверила столовую. Потом кухню.

Александр стоял у раковины и наливал воду в стакан. Он посмотрел на меня поверх плеча.

— Если ищешь Марка, он ушел наверх.

— Когда?

— Минуты две назад.

— Один?

Александр поставил бутылку на стол.

— Это вопрос или начало допроса?

— Зависит от ответа.

— Один.

Он произнес это спокойно, без улыбки. За окном дождь шел почти горизонтально, мелкими белыми штрихами в свете наружного фонаря.

— Ева часто так делала? — спросила я.

— Что именно?

— Задавала вопрос, когда уже знала ответ.

Александр чуть повернул стакан в пальцах.

— Почти всегда.

— Тогда зачем спрашивала?

— Чтобы посмотреть, какой ответ выберет человек.

Это звучало слишком похоже на мать, чтобы спорить.

— А вы какой выбрали?

— Сегодня?

— Когда она дала вам возможность исправить ложь.

Он не отвел глаз.

— Я пока не уверен, что понимаю, о чем она говорила.

Слишком аккуратно.

Но аккуратность не равна лжи. Иногда она просто означает, что человек много лет зарабатывал деньги словами.

— Удобная позиция.

— У нас у всех сегодня удобные позиции, Лея. Твоя — задавать вопросы. Моя — не отвечать раньше, чем я понял вопрос.

— Марка вы этому научили?

— Нет. Марк этому научился в семье.

Я вышла раньше, чем разговор начал нравиться кому-то из нас.

На втором этаже горел свет в кабинете Евы.

Дверь была открыта на ладонь.

Я остановилась.

За ней шуршала бумага.

Не компьютер. Не кабели.

Бумага.

Я толкнула дверь.

Марк стоял возле низкого шкафа под окном. На полу рядом с ним лежали две серые архивные коробки. Еще одна была открыта на столе. Он держал в руках толстую папку и просматривал ее слишком быстро, чтобы читать.

— Это похоже на ответ, — сказала я.

Он поднял голову.

— На что?

— На вопрос, зачем ты пошел наверх.

— Я искал аппаратный ключ.

— В бумажной папке?

— Я ищу там, куда мама могла положить вещь после того, как решила, что очевидное место недостаточно театрально.

— Александр сказал, что ключ был в нижнем ящике стола.

— Был.

— И?

— Его там нет.

Я вошла и закрыла дверь за собой.

Кабинет я не видела открытым с похорон. На столе лежали те же предметы, которые попали в кадр записи: лампа с зеленым стеклянным плафоном, серебряная ручка, стопка чистых карточек. Серое кресло у окна стояло под тем же углом.

От этого совпадения стало неприятнее, чем от самого видео.

Камера исчезла.

Я заметила пустой участок на полке напротив кресла, где, вероятно, стоял штатив.

Ева записывала себя здесь. В комнате, где мы сейчас стояли.

Марк вернул папку в коробку.

— Ты пришла спросить еще раз?

— Да.

Он закрыл крышку.

— Я уже ответил.

— Нет. Ты сказал, что давал показания.

— Потому что давал.

— Мама спросила: ты по-прежнему утверждаешь, что после ужина в ночь смерти Алисы не видел ее до начала поисков?

Марк посмотрел на меня.

За окном ветер ударил в стекло. Где-то внизу дрогнула водосточная труба.

— Я слышал запись.

— Тогда ответ простой.

— Простые ответы тебе особенно нравятся, когда ты уже выбрала, какой из них правильный.

— Да или нет.

— Ты сейчас говоришь как она.

— Не пытайся меня оскорбить настолько дешево.

Он усмехнулся без веселья.

— Лея, если бы я хотел провести эту неделю под допро-

сом, я бы попросил Нору включить твой гонорар в траст.

— Если бы ты хотел избежать допроса, мог сказать «нет».

Марк отвернулся к шкафу.

Это был ответ только на уровне интонации. На уровне фактов — ничего.

Я посмотрела на коробки.

В нижней стояли папки разного цвета. Серые, две зеленые, одна темно-синяя. На синей была белая наклейка с подчерком Евы:

«2011 / SKAPP».

Я не стала наклоняться ближе.

— Ты разбирал эти документы все три дня?

— Не эти.

— Какие?

— Счета. Договоры. Налоги. То, что продолжает существовать после похорон.

— А это?

— Личный архив.

— Почему он не у нотариуса?

— Потому что личный архив не становится автоматически юридическим документом.

— Удобно.

Марк посмотрел на меня.

— Ты сегодня слишком часто употребляешь это слово.

— Удобный день.

Он убрал серую коробку в шкаф.

Синяя папка осталась на месте.

— Ты заходил в комнату Алисы до моего приезда?

Рука Марка замерла на крышке второй коробки.

— Опять?

— Это первый раз, когда я спрашиваю прямо.

— Да.

Я не ожидала ответа и потому на секунду ничего не сказала.

— Когда?

— Вчера.

— Зачем?

— Проверить окна перед штормом.

— И ящики ее стола?

Марк выпрямился.

— Что с ними?

— Их тоже проверял перед штормом?

— Нет.

— Точно?

— Лея.

— Это значит «точно»?

Он закрыл шкаф сильнее, чем требовалось.

— Я не рылся в ее столе.

— А папку со снимками не трогал?

— Нет.

— Фотографию у маяка со стены снял ты?

— Какую фотографию?

Я смотрела на него.

Марк медленно выдохнул.

— Ту, где мы все под маяком?

— Да.

— Нет. Она исчезла из коридора давно.

— Насколько давно?

— Не знаю. Несколько лет.

— А теперь лежит у Алисы.

На этот раз пауза была чуть длиннее.

— Значит, мама ее перенесла.

— Или кто-то другой.

— И теперь ты собираешься брать отпечатки?

— Очень смешно.

— Я серьезно. Ты вошла в комнату, которую пятнадцать лет почти не трогали, нашла старые фотографии и уже ведешь себя так, будто застала человека с ломом.

— Я не говорила тебе про ящик.

Марк замолчал.

Между нами осталось только шуршание дождя по стеклу.

Я почувствовала, как мысль становится тверже.

— Я сказала «комната Алисы». Ты сам спросил про стол.

— Потому что ты спросила про ящики секунду назад.

Верно.

Я ненавидела, когда собственная версия пыталась перепрыгнуть через факт.

— Хорошо, — сказала я.

— Спасибо, что допустила существование времени.

Он взял с подоконника маленький фонарик.

— Что это?

— Ничего.

— Ты собираешься куда-то?

— Проверить наружный блок генератора. Ветер усиливается.

— В десять вечера?

— В половине одиннадцатого. И да, генераторы не соблюдают рабочий день.

— Ты уже проверял его, когда я приехала.

Марк посмотрел на меня.

— Ты планируешь составить расписание моих перемещений?

— Возможно.

— Тогда начни с себя. Ты сегодня успела приехать, полезть в материалы дела, поехать к Даниэлю в прилив, обыскать комнату Алисы и обвинить меня во лжи.

— Я тебя не обвиняла.

— Нет. Ты просто дважды попросила признаться.

Он прошел мимо меня к двери.

Я отступила.

— Марк.

Он остановился, не поворачиваясь.

— Она сказала, что один из нас продолжает лгать. Если это не ты, тебе выгодно, чтобы я это поняла.

— Нет, — сказал он. — Мне выгодно, чтобы ты научилась отличать «я не отвечаю тебе» от «я виноват».

Он вышел.

Я осталась в кабинете.

Это была хорошая фраза.

К сожалению, хорошие фразы в нашей семье редко помогали.

Я подошла к столу.

Нижний ящик был выдвинут на несколько сантиметров. Внутри лежали кабели, старый внешний диск, коробка с картами памяти и пустой бархатный футляр размером с зажигалку.

Аппаратного ключа не было.

Я закрыла ящик.

Синяя папка «2011 / SKAPP» торчала между двумя серыми на ширину пальца. Марк, убирая коробку, задвинул ее неровно.

Я поправила.

Не открыла.

Это решение далось мне легче, чем я ожидала.

Не потому, что уважала личный архив матери. Через несколько дней, вероятно, я перестану уважать даже ее закрытые конверты.

Просто сейчас у меня не было причины превращать каждый предмет в доказательство.

Я выключила свет.

В коридоре стоял Даниэль.

Не под дверью. В нескольких метрах, у лестницы, с кружкой в руке.

— Подслушивал? — спросила я.

— Нет.

— Убедительно.

— Я шел за водой.

— Вода внизу.

Он посмотрел на кружку.

— Именно оттуда я ее и несу.

Я закрыла дверь кабинета.

— Марк ушел проверять генератор.

— Знаю. Он взял фонарь из кухни.

— Ты ведешь учет фонариков?

— Я веду спасательную станцию. Люди, которые не берут фонарь в такой ветер, потом становятся частью рабочего дня.

Я хотела пройти мимо.

— Лея.

Остановилась.

— Что?

— Не иди за ним.

— Почему?

— Потому что сейчас скользко, темно и ты злишься.

— Три характеристики, которые прекрасно описывают мое детство на этом острове.

— Тогда ты весила меньше и падала дешевле.

Я посмотрела на него.

Почти улыбнулась.

Не стала.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

— Не воспринимай это как успех.

— Я уже взрослый. Переживу.

Он поднялся на одну ступень выше, освобождая проход.

Я прошла рядом.

— Ева спрашивала тебя про Алису? — сказала я, не оборачиваясь.

Тишина длилась ровно столько, чтобы ответ снова стал ответом.

— Спокойной ночи, Лея.

— Еще нет.

— В этом доме — особенно.

Я ушла к себе.

Спать не получилось.

В 22:47 я открыла ноутбук и записала все, что могла отделить от интерпретации.

Ева: «один из вас до сих пор лжет».

Марк: не отвечает «нет» на прямой вопрос о встрече с Алисой после ужина.

Даниэль: не отвечает, что Ева спрашивала у него.

Виктор: реакция на слова о памяти и трезвости.

Александр: утверждает, что не понимает, о какой лжи

речь.

Я удалила последнюю строку.

«Утверждает» уже содержало оценку.

Написала:

Александр: говорит, что не уверен, о чем говорила Ева.

Профессиональная привычка не делала запись нейтральной. Она только заставляла меня видеть, где именно я переставала быть нейтральной.

Я добавила отдельную строку:

Ева знала, что Марк даст тот же ответ, что пятнадцать лет назад?

И еще одну:

Что я сказала Алисе перед тем, как она ушла?

Курсор мигал.

Я закрыла ноутбук.

Не потому, что не помнила.

Я помнила достаточно.

Мы поссорились.

Я сказала что-то жестокое.

Этого пока хватало.

В 23:18 я выключила лампу.

В 23:31 снова включила.

Ветер не давал дому замолчать. Он ходил вдоль фасада, находил щели, бил в рамы. Дождь временами прекращался на минуту, потом возвращался плотнее.

Я вышла в коридор за водой.

Свет в кабинете Евы горел.

Тонкая желтая полоса лежала под дверью.

Я остановилась.

Марк мог вернуться.

Александр мог искать аппаратный ключ.

Виктор мог не спать.

Даниэль мог решить, что вода внизу все-таки существует.

Я подошла.

За дверью что-то тихо ударилось о дерево.

Потом — шорох.

— Марк?

Никто не ответил.

Я нажала на ручку.

Дверь открылась.

Кабинет был пуст.

Настольная лампа горела. Нижний ящик стола был открыт до конца. На полу возле шкафа лежала одна серая архивная коробка.

Балконная дверь у окна была распахнута.

Порыв ветра сразу ударил в комнату. Бумаги на столе поднялись, одна карточка слетела на ковер.

Я захлопнула внутреннюю дверь за собой и подошла к выходу на террасу.

Холодный дождь попал в лицо.

У кабинета была узкая каменная терраса, которой в детстве почти никто не пользовался. Она тянулась вдоль восточ-

ного крыла и заканчивалась железной лестницей в сад. Отец когда-то называл ее пожарным выходом. Ева — архитектурным признанием поражения.

На мокрых плитах блестела вода.

Внизу качались ветви тиса.

Никого.

Я вышла на шаг.

Ветер тут же толкнул меня к стене.

Справа лестница уходила вниз в темноту. На верхней ступени лежал сорванный лист плюща. Следов ног не было — дождь смыл бы их за минуты.

Я вернулась в кабинет и закрыла балконную дверь.

Щеколда была исправна.

То есть ветер ее не открыл.

Я посмотрела на стол.

Аппаратный ключ все еще отсутствовал.

Потом — на шкаф.

Серая коробка стояла на полу.

Я подняла крышку.

Внутри были папки.

Серая.

Зеленая.

Еще одна серая.

Я поставила коробку на край шкафа и пересчитала еще раз.

Синей не было.

«2011 / СКАРР».

Я проверила пол. Стол. Вторую коробку. Нижнюю полку.
Ничего.

Кто-то открыл кабинет после того, как я ушла.

Кто-то включил свет.

Кто-то вынул одну конкретную папку.

И когда услышал меня в коридоре, не вышел через дверь.

Я посмотрела на закрытую террасу.

Внутри дома скрипнула половица.

Я обернулась.

В дверях стоял Марк.

На нем был темный свитер. Волосы у висков намокли, на плечах блестели мелкие капли.

Он посмотрел на открытую архивную коробку.

Потом на меня.

— Что ты делаешь?

— Хотела спросить тебя о том же.

Марк перевел взгляд на балконную дверь.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

— Кто ее открыл?

— Не знаю.

— Ты?

— Нет.

Он вошел в кабинет и сразу подошел к террасе. Проверил щеколду.

— Где ты был? — спросила я.

— У генератора.

— Все это время?

— Минут двадцать. Потом на кухне.

— С кем?

Он повернулся.

— Ты серьезно?

— Да.

— Один.

Я указала на коробку.

— Синяя папка исчезла.

Марк не посмотрел внутрь.

— Какая синяя папка?

Я ждала.

Он тоже.

— «2011 / Скарр».

На этот раз он посмотрел.

Не на коробку.

На полку, где она стояла.

И этого было недостаточно, чтобы доказать что-либо.

Но достаточно, чтобы я поняла: он точно помнил, где она была.

— Ты видел ее, — сказала я.

— Видел.

Ответ пришел сразу.

— Когда?

— Когда искал ключ.

— И не счел нужным упомянуть?

— Упомянуть существование папки с названием года?

Нет. В кабинете писателя есть бумаги. Сенсация пока слабая.

— Она стояла отдельно.

— Она стояла криво. Ты ее поправила.

Я замолчала.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что перед тем, как уйти, я задвинул коробку.

Папка торчала. Сейчас коробка снова на полу, а папки нет.

Он подошел к шкафу и присел.

— Я оставил это закрытым.

— Дверь кабинета?

— Тоже.

— Террасу?

Марк посмотрел на стеклянную дверь.

— Я ее не открывал.

— Щеколда исправна.

— Значит, кто-то открыл.

— Спасибо, архитектор.

— Это папина специальность.

Он провел рукой по внутреннему краю рамы. На пальцах осталась вода.

— Снаружи мокро. Изнутри тоже.

— Дождь занесло, когда дверь была открыта.

— Я догадался.

— Тогда не объясняй мне очевидное.

— Ты сама только что объяснила мне очевидное про исчезнувшую папку.

На секунду мы снова были детьми, спорящими не о предмете, а о праве первым назвать его своим.

Потом Марк встал.

— Ты слышала кого-нибудь?

— Шорох. Один удар. После того как я позвала, тишина.

— Сколько времени прошло, пока ты вошла?

— Секунд пять.

Он посмотрел на террасу.

От двери до железной лестницы было метров двенадцать. В нормальную погоду их можно пройти за несколько секунд. Сегодня — медленнее, если не хотелось сломать шею.

— Через сад можно попасть к кухне, — сказал Марк. — Или обойти к главному входу.

— Кто об этом знает?

Он усмехнулся.

— Все, кто бывал здесь больше одного раза.

— Очень сужает круг.

— Ты хотела пять подозреваемых. Получила четыре, если исключаешь себя.

— Я ничего не хотела.

— Конечно.

Я посмотрела на его мокрые волосы.

— Ты мог выйти через террасу, спуститься, обойти дом и

вернуться снизу.

— Мог.

— Даже спорить не будешь?

— Нет смысла. Физически мог. Фактически не делал.

— Кто видел тебя на кухне?

— Никто. Кажется.

— Удобно.

— Вот теперь это слово можно вернуть тебе.

Он сказал это устало, без злости.

Я посмотрела на коробку.

— Не трогай больше ничего.

Марк вскинул брови.

— В мамином кабинете?

— До утра.

— А утром что изменится?

— Я фотографирую расположение. Запишу, что пропало. Потом отдельно спрошу остальных, были ли они здесь.

— И если все скажут «нет»?

— Тогда у нас будет четыре одинаковых ответа и одна отсутствующая папка.

— Пять ответов.

— Твой я уже получила.

Марк посмотрел на меня дольше обычного.

— Нет, Лея. Ты получила только тот ответ, который зада-
ла про папку.

Он выключил настольную лампу.

На секунду кабинет стал черным, и в стекле террасы отразились мы оба.

Потом молния далеко над морем на мгновение обозначила окно, стол, раскрытую коробку.

Я достала телефон и включила фонарик.

— Не выключай свет, пока я не сниму комнату.

— Ты только что сказала не трогать ничего.

— Свет не считается архивом.

— С твоим подходом это временно.

Я сфотографировала шкаф, коробку, открытый ящик, щелчку и мокрую полосу на полу у террасы. Не потому, что знала, что здесь важно.

Потому что утром вода высохнет, коробку кто-нибудь задвинет, а память каждого из нас начнет делать то, что умеет лучше всего: приводить беспорядок в соответствие с собственной версией.

На телефоне было 23:38.

Я открыла заметки.

Под файлом «Прилив» создала второй.

Назвала его «Кабинет».

Первая строка получилась короткой:

«После записи папка „2011 / SKAPP“ была на месте. В 23:31 — нет».

Я перечитала.

Потом добавила:

«Террасная дверь открыта изнутри».

Марк стоял рядом и смотрел на экран.

— Теперь я официально подозреваемый?

— Ты был им раньше.

— Спасибо за честность.

Я убрала телефон.

— Это не честность. Это порядок работы.

— Разница?

Я посмотрела на пустое место между серыми папками.

— Надеюсь, что есть.

ГЛАВА 7

Показания

Утром папка не вернулась.

Я проверила кабинет в 07:12, до кофе и до первого разговора с кем-либо. Серая коробка стояла там, где мы оставили ее с Марком. Мокрая полоса у балконной двери почти высохла. Синего корешка между папками не было.

За окном море выглядело так, будто ночь не закончилась, а просто стало светлее. Ветер развернулся на северо-запад, как и обещал Даниэль, и теперь бил в дом с другой стороны. Дождь временами прекращался, но только для того, чтобы через пять минут вернуться крупнее.

На телефоне было два сообщения.

Первое — от редактора: «Жива?»

Второе — от паромной компании: утренний и дневной рейсы отменены из-за ветра. Решение по вечернему — после пятнадцати часов.

Я написала редактору «да» и не уточнила, насколько это слово условно.

Внизу кто-то включил кофемашину.

Когда я спустилась, в кухне был Виктор. Он стоял спиной к двери и смотрел, как вода проходит через фильтр, с сосредоточенностью человека, которому поручили операцию на открытом сердце.

— Не спала? — спросил он, не оборачиваясь.

— Почему все считают это подходящей темой для при-
ветствия?

— Потому что ты в семь утра выглядишь как человек, ко-
торый проиграл спор подушке.

Он поставил передо мной кружку.

— Марк уже вставал?

— В пять сорок. Потом снова лег. По крайней мере, так
он сказал, когда я встретил его на лестнице.

— Ты ведешь учет?

Отец посмотрел на меня.

— Похоже, это заразно.

Я взяла кофе.

— Ты заходил ночью в кабинет Евы?

Он не моргнул. Только перестал тянуться за сахаром.

— Нет.

— На террасу?

— В такую погоду я стараюсь не выходить туда, где вода
летит горизонтально.

— Видел кого-нибудь около половины двенадцатого?

— Александра в библиотеке. Даниэля на лестнице. Марка
не видел.

— Себя?

— Себя я видел в зеркале. Картина была удручающей.

Я отпила кофе.

Ответы были слишком быстрыми, чтобы обвинять, и до-

статочно конкретными, чтобы записать.

— Что пропало? — спросил Виктор.

— Синяя папка из маминого архива.

— Какая?

— «2011 / Скарр».

Он опустил глаза в кружку.

— Разумеется.

— Что значит «разумеется»?

— То, что если Ева хотела, чтобы мы семь дней говорили об Алисе, у нее наверняка была папка с годом ее смерти.

— Ты знал, что она существует?

— Нет.

Он наконец взял сахар, передумал и вернул пакетик на стол.

— Лея, если ты сейчас собираешься спрашивать каждого из нас, украл ли он папку, совет: задавай вопрос до кофе. После кофе люди лучше врут.

— Профессиональный опыт?

— Семейный.

Он вышел с кружкой.

Я осталась у стола и написала в заметках: «Виктор: отрицает кабинет/террасу. Видел А. в библиотеке, Д. на лестнице. Марка не видел».

Потом позвонила Норе Бекет.

Она ответила после четвертого гудка.

— Лея, сейчас семь двадцать четыре.

— Вы очень точно читаете часы.

— Это одно из требований профессии. Что случилось?

— У Евы была копия полицейского дела Алисы?

Тишина длилась меньше секунды.

— Да.

Я выпрямилась.

— Полная?

— Не знаю, что вы вкладываете в слово «полная».

Несколько лет назад она получила семейную копию материалов, которые могли быть предоставлены ближайшему родственнику. Часть документов — через прежнего адвоката, часть — после архивного запроса.

— Где она?

— В цифровом хранилище, к которому у меня есть доступ как у исполнителя отдельных распоряжений. Бумажная копия, насколько я понимаю, была у Евы.

Я посмотрела в сторону потолка.

— Была.

— Что это значит?

— Ночью исчезла папка с надписью «2011 / Скарр».

Нора ничего не сказала.

— Вы удивлены недостаточно сильно.

— Я нотариус, Лея. У нас есть профессиональная обязанность удивляться после проверки фактов.

— Пришлите мне цифровую копию.

— Не могу без основания.

— Я дочь погибшей и участник маминого траста, который она сама построила вокруг ее смерти.

— Это эмоциональное основание. Мне нужно юридическое.

— Ева оставила мне полицейскую фотографию из этого дела.

На другом конце стало тихо.

— В вашей комнате?

— Да.

— С письменной инструкцией?

— Да.

— Сфотографируйте конверт, записку и оборот фотографии. Не редактируйте изображение. Я сверю это с приложением к ее распоряжениям.

— И если совпадет?

— Тогда, вероятно, смогу предоставить вам ту часть архива, к которой она предусмотрела ваш доступ.

— «Ту часть» звучит плохо.

— Потому что вы хотите услышать «все».

— Да.

— Ева тоже это знала.

Через сорок три минуты на мою почту пришла ссылка.

К этому времени в кухне появился Марк, увидел меня с ноутбуком и спросил:

— Ты решила начать рабочий день до того, как остальные научились защищаться?

— Нора прислала копию дела.

Он остановился у холодильника.

— Какого дела?

Я посмотрела на него.

— Не надо.

Марк закрыл дверцу, не взяв ничего.

— Полицейского?

— Семейную копию.

— И она просто отправила тебе ее?

— Нет. Сначала заставила доказать, что мама хотела, чтобы я получила доступ.

— Конечно.

Он сел напротив.

— Ты будешь читать здесь?

— Я буду читать там, где ты не сможешь сказать, что я рылась в твоих бумагах.

— Это слабая гарантия.

Я открыла первый файл.

Сто восемьдесят семь страниц.

Скан был сделан с бумажной копии: серые поля, перекошенные углы, номера листов от руки. В начале — опись. Потом протокол обнаружения, схема поисков, фотографии, первичные показания, медицинское заключение, погодная сводка.

Я начала с описи.

На странице тринадцать значилось:

«Приложение 7В. Гидрографическая справка: расчет уровня воды и локальных течений, северо-восточный сектор Скарра, 17—18 октября».

Я пролистала вниз.

Приложение 7А было.

Потом сразу 7С.

Я вернулась к описи.

7В.

Снова к файлу.

Не было.

— Что? — спросил Марк.

Я не ответила.

В конце PDF обнаружилась служебная страница: «Материалы, не включенные в копию по техническим или правовым основаниям». Там перечислялись три номера.

7В среди них не было.

Я сделала снимок экрана.

— Мама велела проверить прилив, — сказала я.

Марк нахмурился.

— И?

— В описи дела есть отдельная гидрографическая справка по ночи смерти. В копии ее нет. И она не числится среди исключенных материалов.

— Может, плохо отсканировали.

— Может.

— Может, страницу потерял адвокат пятнадцать лет на-

зад.

— Может.

— Тебе не нравится слово «может»?

— Я на нем работаю.

Марк подвинул стул ближе.

— Покажи.

Я повернула ноутбук.

Он прочитал строку в описи и пожал плечами слишком быстро.

— Техническая справка. Полиция получила прогноз прилива, приложила и потом никто не счел нужным копировать родственникам.

— Тогда почему она не указана как исключенная?

— Потому что архивы делают люди.

— У тебя сегодня утро реализма.

— У тебя, кажется, нет.

Я закрыла опись и открыла показания.

Мое собственное было на странице шестьдесят четыре.

Девятнадцатилетняя Лея Воронова сообщала, что после ужина поднялась к себе примерно в 19:20, затем слышала, как Алиса вышла из дома, но «не придавала значения, поскольку сестра часто уходила гулять одна». О ссоре — одна строка: «ранее вечером между сестрами произошел бытовой спор, не имевший отношения к последующим событиям».

Я перечитала.

Бытовой спор.

Фраза была моей. Я узнала ее не по памяти, а по инстинкту: так пишет человек, который хочет, чтобы следующий вопрос не был задан.

— Ты в порядке? — спросил Марк.

— Не задавай плохие вопросы до кофе.

— Уже после.

Я перелистнула.

Перед показаниями Марка шел журнал поисков.

22:02 — семья сообщает об отсутствии Алисы.

22:11 — первичный осмотр территории дома и дороги.

22:24 — к поискам присоединяется Даниэль Керн.

22:35 — на северной тропе у маяка обнаружен шарф.

23:05 — вызваны береговая охрана и полиция с материка.

00:10 — нижний участок склона признан небезопасным для ночного спуска из-за воды и ветра.

06:42 — тело обнаружено в восточной бухте.

Я знала эти события. Не времена. В памяти ночь состояла не из минут, а из помещений: моя комната, лестница, кухня с включенным светом, мокрый холл, где никто не мог решить, ждать ли полицию внутри или искать самим.

В отчете минуты стояли ровно одна под другой и создавали ложное ощущение, что кто-то тогда понимал последовательность.

Я открыла схему поисков. Красные линии расходились от дома к поселку, западному берегу и маяку. Возле северной тропы стоял маленький крестик: «шарф». В восточной бухте

— второй: «обнаружение тела». Между ними было море и несколько часов, которые следствие заполнило течением.

Внизу страницы примечание ссылалось на то самое приложение 7В.

«Вероятный перенос объекта водой рассчитан отдельно». Объекта.

Я увеличила строку.

Если полиция действительно считала, откуда могло принести тело, значит, прилив и течение не были мелкой справкой, случайно приложенной к делу. Они участвовали в выводе о том, где Алиса упала.

И именно этого расчета не было.

— Ты что-то нашла? — спросил Марк.

— Нашла место, где они ссылаются на отсутствующий документ.

Он наклонился.

— Это уже интереснее.

— Спасибо за разрешение.

— Я не разрешаю. Я ранжирую.

Я сохранила страницу отдельно.

Показания Марка: после семейного ужина он около 19:30 ушел в библиотеку, работал с документами, затем примерно в 21:50 спустился на кухню. Алису после ужина «не видел и не разговаривал с ней». В 22:02, когда стало ясно, что ее нет дома, сообщил, что днем она говорила о маяке.

Я посмотрела на Марка.

Он смотрел в окно.

— Так ты по-прежнему это утверждаешь?

— Читай дальше.

— Это не ответ.

— Мы уже установили.

Я открыла показания Виктора.

С 19:45 до примерно 21:40 он якобы находился в западном кабинете, один, «читал и делал телефонные звонки». Номера звонков в протоколе не приводились. Он слышал, как кто-то проходил по коридору около девяти, но не мог сказать кто.

Ева утверждала, что после ужина работала в своем кабинете и около 20:50 ненадолго вышла на террасу «проверить погоду». Алису после ужина не видела.

Даниэль Керн был опрошен на следующий день.

Я почувствовала, как Марк перестал смотреть в окно.

В заявлении Даниэль писал, что вечером находился на лодочной станции, затем «проверял швартовы и оборудование на западном берегу» из-за ухудшения погоды. Около 22:20 ему позвонили из дома Вороновых и попросили присоединиться к поиску.

Время между 20:00 и 22:20 было описано одной фразой.

Ни маршрута.

Ни свидетеля.

Ни упоминания маяка.

— Керн всегда умел отвечать коротко, — сказал Марк.

— Это ты сейчас защищаешь его?

— Нет. Я удивляюсь, что тебя удивляет человек, который пятнадцать лет назад не хотел рассказывать полиции каждый свой шаг.

Я не стала говорить, что вчера он не захотел рассказать и мне.

Открыла показания Александра.

Они были длиннее остальных.

Он сообщил, что покинул «Черный Утес» примерно в 18:25, намереваясь уйти на материк на небольшом моторном катере, который арендовал у знакомого. По его словам, из-за ветра он выбрал западный обход и «не приближался к северной тропе, маячной площадке или нижнему сервисному уступу».

Я остановилась.

Прочитала еще раз.

Нижнему сервисному уступу.

— Что? — спросил Марк.

— Ничего.

Дальше Александр подробно описывал погоду, видимость и состояние моря. Утверждал, что в районе 19:00 был уже «юго-западнее острова», а о поисках узнал значительно позже.

Я открыла схему места.

На ней были отмечены верхняя тропа, площадка у ограждения и камни ниже склона.

Никакого «нижнего сервисного уступа» в подписях не было.

— Ты знаешь, что это? — спросила я.

Марк наклонился к экрану.

— Что?

— Нижний сервисный уступ.

— У маяка?

— Судя по показаниям Александра.

— Там есть старые технические площадки. Отец знает лучше.

— Ты называешь их «уступом»?

— Я называю их «не ходи туда без страховки».

Я вернулась к заявлению.

Александр не просто отрицал, что был у маяка. Он отрицал три места отдельно, одно из которых полиция в собственной схеме не называла.

Это могло означать только, что полицейский употребил термин при допросе.

Или что Александр знал местность.

Он бывал в доме много лет. Ничего удивительного.

Я записала фразу дословно и не добавила к ней вопросительный знак.

В 09:18 в кухню вошел сам Александр.

На нем был темный свитер, волосы еще влажные после душа. Он посмотрел на нас, на открытый ноутбук и понял достаточно.

— Доброе утро, — сказал он.

— Для кого как.

— Полицейское дело?

Я не спросила, откуда он догадался. На экране была фотография маяка с номером дела в углу.

— Вы помните, что такое нижний сервисный уступ? — спросила я.

Марк тихо выдохнул.

Александр не сел.

— У маяка?

— Да.

— Старая площадка под северной частью башни. Ее использовали при обслуживании до реконструкции. Сейчас проход, кажется, закрыт.

— Вы были там?

— Когда?

— Вообще.

Он подумал.

— Много лет назад. Ева водила туда гостей, пока Виктор не убедил ее, что страховка дома не покрывает литературное любопытство.

— В ночь смерти Алисы?

— Нет.

Ответ был мгновенным.

— В ваших показаниях это место названо именно так. Хотя на схеме полиции его нет.

Александр подошел ближе и посмотрел на экран.

— Вероятно, так его назвал следователь.

— Вероятно.

Он посмотрел на меня.

— Ты уже решила, что наречие делает меня виноватым?

— Пока только удобным собеседником.

— Не лучший комплимент, который я получал от вашей семьи.

— Вы сказали полиции, что ушли с острова в 18:25.

— Да.

— Кто это подтвердил?

Александр помолчал.

— Не помню. Наверное, человек, у которого я брал лодку.

— В деле нет его показаний.

— Тогда, возможно, никто.

— Вы не удивлены?

— Пятнадцать лет назад моя роль в расследовании была ролью издателя, который уехал до того, как исчезла дочь хозяйки дома. Я не был центром полицейского интереса.

Он сказал это без раздражения. Почти мягко.

— Когда я понял, что случилось, было уже поздно что-то исправлять в первых показаниях.

Я подняла глаза.

— Что именно исправлять?

Александр моргнул.

Всего один раз.

— Формулировку, — сказал он. — Я не помнил точное время выхода. Следовательно хотел время, я дал приблизительное. Позже понял, что мог ошибиться на двадцать минут.

Марк посмотрел на меня.

Я ничего не сказала.

«Когда я понял, что случилось, было уже поздно».

Обычная фраза. Человек узнал о смерти поздно. Больше ничего.

Я записала ее рядом с остальными.

Александр ушел за кофе.

В 09:41 Нора ответила на мое письмо о приложении 7В.

«В цифровой копии, полученной от архива, данный документ отсутствовал изначально. Причина мне неизвестна. В описи он значится. Я запросила уточнение».

Я прочитала сообщение дважды.

Марк тоже.

— Ну? — спросил он.

— Бумага пропала не ночью.

— Что?

— По крайней мере, эта бумага. Гидрографической справки не было уже в цифровой архивной копии.

— Значит, синяя папка могла содержать ее.

— Или нет.

— Наконец-то.

— Что?

— Ты сказала «или нет» раньше, чем обвинила меня.

Я закрыла ноутбук.

За окном ветер прижимал дождь к стеклу. Где-то внизу, за восточным выступом, вода отходила от нижней дороги, но парама сегодня все равно не будет.

Я посмотрела на список времен, который составила вчера.

17:42 — низкая вода.

23:56 — высокая.

Между ними почти вся ночь Алисы.

В полицейском деле существовал отдельный расчет того, что делала вода между этими часами.

Ева спустя пятнадцать лет оставила мне четыре слова: проверить прилив.

А самого расчета в копии не было.

Я открыла ноутбук снова и создала новый файл.

«ПОКАЗАНИЯ».

Пять имен.

Пять колонок: что сказал тогда; что говорит сейчас; подтверждение; пробел; вопрос.

Напротив Марка я написала: «После ужина Алису не видел».

Напротив Даниэля: «20:00—22:20 — западный берег. Без маршрута».

Напротив Виктора: «19:45—21:40 — один. Без свидетеля».

Напротив Александра: «18:25 — якобы покинул остров. Нижний сервисный уступ».

Напротив себя долго ничего не писала.

Потом добавила:

«Ссора — „не имела отношения к последующим событиям“».

Фраза девятнадцатилетней меня выглядела хуже всех остальных.

Не потому, что была самой большой ложью.

Потому что я знала: она точно была ложью.

ГЛАВА 8

Северная тропа

В десять двенадцать я закрыла ноутбук.

Цифры перестали помогать.

Пять колонок, которые я создала, уже начинали вести себя как люди: каждая требовала внимания, спорила с соседней и обещала объяснение, если я добавлю еще одну строку.

Я посмотрела в окно.

Дождь ослаб. Не закончился — на Скарре это были разные состояния. Ветер по-прежнему гнул траву к земле, но между серыми облаками появились светлые разрывы, и маяк на северном мысе впервые за утро стал виден целиком.

Белая башня стояла примерно в полутора километрах от дома.

На полицейской схеме расстояние выглядело короче.

На острове — наоборот.

Я взяла куртку.

Марк сидел за кухонным столом и перечитывал распечатку из дела.

— Куда?

— К маяку.

Он поднял голову.

— Сейчас?

— Сейчас видно.

— Это не значит, что безопасно.

— Даниэль сказал, что к полудню будет окно.

Марк посмотрел на часы.

— Еще не полдень.

— Потрясающая работа с временем. Нора будет гордиться.

ся.

— Возьми рацию.

— У меня телефон.

— На северной стороне связь хуже.

Он протянул маленькую портативную рацию, лежавшую рядом с ключами.

Я взяла.

— Это забота или контроль?

— Экономия времени спасателей.

— Романтично.

— Не ко мне.

Он вернулся к бумагам.

Я уже была у двери, когда спросила:

— Ты не хочешь пойти?

— Нет.

Слишком быстро.

— Почему?

— Потому что я был там достаточно раз.

— После Алисы?

Он поднял глаза.

— Да.

Это было сказано спокойно. Не как признание.

— И?

— И ничего. Там башня, мокрый камень и место, которое полиция пятнадцать лет назад фотографировала с каждого угла.

— Кроме нижнего сервисного уступа.

Марк положил ручку.

— Лея.

— Что?

— Если ты идешь проверить географию, проверяй географию. Не пытайся заставить место признаться.

Я открыла дверь.

— Места хотя бы не обижаются на вопросы.

На крыльце ветер оказался сильнее, чем выглядел из окна.

Я спустилась по ступеням, затянула капюшон и только тогда увидела Даниэля у боковой стены дома. Он стоял возле наружного щита генератора и говорил по рации. На земле рядом лежал пластиковый кейс с инструментами.

Он закончил разговор и посмотрел на меня.

— Куда собралась?

— Почему все сегодня начинают с этого вопроса?

— Потому что ты одета как человек, который идет куда-то против ветра.

— К маяку.

Он закрыл кейс.

— Зачем?

— Хочу понять схему.

— Какую?

— Полицейскую. Где верхняя тропа, откуда видно площадку, где заканчивается старый сервисный путь. В деле это выглядит как рисунок, который делал человек, ненавидящий масштаб.

Даниэль посмотрел на небо.

— Подожди пятнадцать минут.

— Марк сказал почти то же.

— Тогда это погодный факт, а не семейный заговор.

— Ты идешь со мной?

Он не ответил сразу.

— Если ты все равно пойдешь.

— Очень благородно.

— Я не пытаюсь быть благородным.

— Это я уже заметила.

Он убрал инструменты в ящик у стены и пошел к задней двери.

— Пятнадцать минут.

Через двенадцать он появился в непромокаемой куртке и тяжелых ботинках.

— Я засекла, — сказала я.

— Не сомневался.

Мы пошли по северной дорожке.

Первые двести метров были знакомыми. Каменная стена сада, низкий склон, полоса вереска. Потом дорога раздели-

лась.

Правый путь уходил к старому дому смотрителя.

Левый — к маяку.

— В деле нарисовано иначе, — сказала я.

— Потому что после смерти Алисы этот участок укрепили. Раньше тропа шла ближе к обрыву.

— Насколько ближе?

— Местами на три-четыре метра.

— Это много.

— Для карты — да. Для человека в шторм — еще больше.

Я достала телефон и сфотографировала развилку.

Даниэль посмотрел на меня.

— Ты документируешь прогулку?

— Я документирую то, что память потом испортит.

— Тогда придется сфотографировать весь остров.

— Не давай мне идеи.

Мы продолжили.

Дождь превратился в мелкую морось. Ветер шел с северо-запада и приносил с моря соль. Через несколько минут дом исчез за складкой склона.

Осталась башня.

Маяк был ниже, чем в моих воспоминаниях.

В детстве он казался зданием, которое держит небо. Сейчас — рабочей конструкцией: белая штукатурка с серыми потеками, узкие окна, металлическая галерея наверху, закрытая служебная дверь у основания. Автоматический огонь

давно заменил постоянного зрителя.

— В старых показаниях его называют действующим, — сказала я.

— Он и сейчас действует. Просто без человека внутри каждую ночь.

— Твой отец жил там?

— В доме зрителя. В башне никто не жил.

— Я знаю.

— Ты сказала это так, будто проверяла меня.

— Привыкай.

— Не планирую.

Тропа вывела нас на широкую каменную площадку с новым металлическим ограждением.

Слева начинался обрыв.

Я остановилась.

Ни одна фотография не передавала расстояние до воды.

Не потому, что оно было огромным. Наоборот. Скала здесь шла ступенями: верхняя кромка, затем неровные выступы, темные горизонтальные пласты, дальше вода. С определенного угла казалось, что можно увидеть путь вниз.

С другого — только пустоту.

— Где нашли шарф?

Даниэль не ответил сразу.

Потом подошел к ограждению и указал на участок метрах в двадцати впереди.

— Там. Старое ограждение шло иначе. Один столб стоял

ближе к краю.

Я подошла.

Камни были темные от дождя.

На полицейской фотографии шарф лежал почти в этом месте, но ракурс теперь стал понятнее. Фотограф снимал со стороны башни, а не от тропы.

— Если человек падает отсюда, куда он попадает?

— Зависит от точки и от того, падает ли вообще прямо.

— Мне нужен не юридический ответ.

— Это физический.

Он присел и подобрал маленький камень.

— Здесь склон не вертикальный. Камень может удариться о два выступа и уйти вправо. Может остаться на промежуточной полке. Может попасть в воду, если уровень достаточно высокий.

— Полке?

— Выступе.

Он бросил камень не вниз, а на площадку у наших ног.

— Не проверяй так.

— Я не собиралась.

— Ты подумала.

— Ты слишком уверен в моих плохих идеях.

— У меня архив.

Я посмотрела за ограждение.

Ниже, на несколько метров, действительно виднелась узкая каменная площадка, частично скрытая выступом. К ней

вела старая металлическая конструкция, закрытая новым решетчатым щитом.

— Это сервисный уступ?

— Один из технических уровней.

— Александр назвал его «нижним сервисным уступом».

Даниэль повернул голову.

— В показаниях?

— Да.

— Странно.

— Почему?

— Местные обычно говорят «техническая площадка» или просто «старый проход». В документации мог быть другой термин.

— Ты его так не называешь?

— Нет.

Я запомнила ответ и не достала телефон.

— Проход туда закрыт давно?

— После реконструкции доступ ограничили. Основная лестница проржавела еще раньше.

— В 2011 году можно было спуститься?

Даниэль посмотрел на щит.

— Да.

— Без ключа?

— На часть маршрута — да. На служебную дверь — нет.

— Алиса знала?

Он повернулся ко мне.

— Что именно?

— Как попасть вниз.

— Все мы знали.

Слова вышли слишком быстро, но не потому, что он лгал. Скорее потому, что вопрос был простым.

— Мы здесь выросли, Лея. Ты тоже знала.

Я посмотрела на старый металлический каркас.

И поняла, что он прав.

Не маршрут целиком. Но сам факт лестницы я помнила.

Летом она нагревалась на солнце. Виктор запрещал нам спускаться ниже второй площадки. Алиса однажды привязала к перилам красную ленту и сказала, что это государственная граница.

В памяти этого не было до секунды, когда я увидела металл.

— Я забыла.

— Нормально.

— Не говори мне, что нормально.

— Хорошо.

Он сказал это без спора.

Мы пошли дальше вдоль ограждения.

За башней тропа сужалась и поворачивала к северу. Отсюда открывался вид на восточную бухту.

— Тело нашли там?

— Дальше. За вторым мысом.

— Сколько от предполагаемого места падения?

— По воде зависит от течения.

— По земле.

— Около километра с небольшим.

— А если идти от западной бухты?

Даниэль посмотрел на меня.

— Куда именно?

— К маяку.

— По старой дороге — минут восемь-десять.

— От лодочной станции?

— Двенадцать-пятнадцать, если быстро.

— От дома?

— Двадцать минут в нормальную погоду. В ту ночь — больше.

Я записала времена.

— Ты помнишь погоду очень точно.

— Я работаю с морем.

— Сейчас. А пятнадцать лет назад?

— Я тоже работал с морем.

— Тебе был двадцать один.

— Достаточно, чтобы промокнуть профессионально.

Мы дошли до места, где тропа уходила за башню.

Там стоял новый предупреждающий знак: «СЛУЖЕБНАЯ ЗОНА. ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН».

За ним начинались старые ступени, вросшие в камень.

Я сфотографировала.

— В полицейском протоколе написано, что верхнюю тро-

пу прочесали в 22:35.

— Да.

— Нижнюю площадку тогда не осматривали?

— В ту ночь — нет.

— Почему?

— Вода, ветер, темнота. Если человек не привязан к страховке, отправлять его туда означало получить второго пропавшего.

— А утром?

— Осматривали.

— Кто?

Даниэль помолчал.

— Спасатели. Береговая охрана. Полиция.

— Ты?

— Я был в поиске.

Это я знала из дела.

— На верхней тропе?

— В разных местах.

— В показании ты написал: западный берег.

Он посмотрел на море.

— В основном.

Слово повисло между нами.

— «В основном» — это новая версия?

— Это точнее.

— Через пятнадцать лет?

— Иногда точность приходит поздно.

Фраза мне не понравилась.

Не из-за смысла.

Потому что она слишком легко могла стать оправданием для любого из нас.

— Где еще ты был?

Даниэль пошел дальше.

Я не двинулась.

Через несколько шагов он остановился и обернулся.

— Лея.

— Где?

Ветер дернул край его капюшона.

— Здесь.

Я посмотрела на него.

— Когда?

— В ту ночь.

Слова были простыми.

Место сразу стало другим.

Не страшнее.

Конкретнее.

— Во сколько?

— После восьми.

— Насколько после?

— Не помню точно.

— Полиции ты сказал, что с восьми до десяти двадцати был на западном берегу.

— Я знаю, что сказал.

— Значит, солгал.

Он сжал губы.

— Да.

Это «да» оказалось громче ветра.

Я подошла ближе.

— Зачем ты был у маяка?

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что ответ не касается того, что случилось с Алисой.

— Ты не можешь это решать.

— Могу решить, что рассказывать тебе.

— Ева включила тебя в эти семь дней не случайно.

— Согласен.

— И вчера спросила про ложь.

— Она спросила всех.

— Ты был рядом с местом, где, по версии полиции, погибла моя сестра. Ты сказал полиции, что тебя здесь не было. Пятнадцать лет спустя моя мать запирает нас в одном доме и говорит, что кто-то продолжает лгать. Ты правда считаешь, что у меня нет права спросить зачем?

— Право спросить есть.

— А ответ?

— Нет.

Я рассмеялась один раз.

Без юмора.

— Удобно.

— Не начинай.

— Почему? Потому что слово уже занято Александром?

Даниэль посмотрел на меня жестко.

— Потому что ты сейчас соединяешь вещи только по одному признаку: они тебя пугают.

Я почувствовала, как злость становится ясной.

— Не объясняй мне мою работу.

— Это не работа.

— С какого момента?

— С того, как ты перестала различать сестру и материал.

Я ударила бы его фразой, если бы она не попала раньше.

Вместо этого сказала:

— Ты не имеешь права.

— Возможно.

— Ты видел Алису здесь?

Он замолчал.

Вот теперь молчание было хуже ответа.

— Даниэль.

— Я не буду говорить дальше.

— Это значит да?

— Это значит ровно то, что я сказал.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Лучше тебя.

— Тогда помоги мне увидеть иначе.

Он отвернулся к морю.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Оба варианта сейчас дадут тебе один и тот же результат.

Я стояла, сжимая телефон в руке.

На экране оставалась открыта заметка с расстояниями.

Дом — маяк: двадцать минут.

Лодочная — маяк: двенадцать-пятнадцать.

Западная бухта — маяк: восемь-десять.

До этой минуты цифры были географией.

Теперь они стали маршрутом человека, который солгал полиции.

Даниэль пошел к башне.

— Я возвращаюсь.

— Я еще не закончила.

— Погода закончила за тебя.

Я посмотрела на море.

С запада действительно шла темная полоса дождя. Ветер усилился почти незаметно, пока мы спорили.

— Через сколько?

— Минут десять.

— До чего?

— До того, как здесь станет неприятно даже по твоим стандартам.

Я пошла за ним.

Обратный путь занял дольше.

На открытом участке дождь догнал нас стеной. Мы дошли до развилки, когда видимость упала так, что дом исчез, хотя до него оставалось меньше километра.

Даниэль остановился и протянул руку.

— Дай рацию.

— Зачем?

— Проверю связь.

Я отдала.

Он нажал кнопку.

— «Черный Утес», это Керн. Мы на северной тропе, возвращаемся. Минут пятнадцать.

Из динамика сразу ответил Марк:

— Принял. Видимость у дома нормальная. Ветер двадцать семь узлов, порывы выше.

Даниэль посмотрел на меня.

— Видишь? Семейный контроль иногда полезен.

— Не привыкай защищать Марка.

— Сегодня уже второй раз мне это говорят.

— Кто первый?

Он вернул рацию.

— Ты.

Мы шли молча еще несколько минут.

У старого дома смотрителя Даниэль свернул к каменной стене, где было меньше ветра.

— Подожди.

— Я не устала.

— Я не спрашивал.

Он затянул ремень на моей рации, который болтался у кармана.

Жест был быстрым, деловым. Раньше он делал так же с моим спасательным жилетом, когда я забывала застегнуть нижнюю пряжку.

Я отступила на полшага.

Он сразу убрал руки.

— Не надо.

— Понял.

В этом одном слове не было ни обиды, ни попытки вернуть прошлое.

От этого стало сложнее.

Мы снова вышли на тропу.

— Почему ты сказал мне? — спросила я.

— Что?

— Что был у маяка.

Он долго не отвечал.

— Потому что ты все равно найдешь несоответствие.

— Это не причина говорить правду.

— Для начала — причина.

— А потом?

— Посмотрим.

Я остановилась.

— Нет. Именно так Ева и делала. Давала кусок и заставляла ждать следующего.

Даниэль тоже остановился.

Дождь тек по краю его капюшона.

— Я не Ева.

— Тогда не веди себя как она.

— А ты не веди себя как человек, которому любой отказ кажется доказательством.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом он сказал тише:

— Я солгал полиции о том, где был. Это моя ложь. Не твоя версия о ней. Не то, что ты хочешь из нее получить. Пока только это.

Я кивнула.

Не потому, что согласилась.

Потому что это был факт.

В «Черный Утес» мы вернулись в 11:26.

Марк открыл боковую дверь до того, как я взялась за ручку.

— Успели.

— Разочарован?

Он посмотрел сначала на меня, потом на Даниэля.

— Что случилось?

— Погода, — сказал Даниэль.

— Только она?

Я сняла капюшон.

Вода потекла на каменный пол.

— Нет.

Даниэль ничего не сказал.

Я посмотрела на Марка.

— В таблице показаний исправь одну строку.

Он нахмурился.

— Какую?

— Даниэль был у маяка после восьми.

Марк медленно повернулся к нему.

— В поиске?

— Нет, — сказала я. — До поисков. После восьми.

Теперь удивление появилось.

Не громкое. Марк просто перестал хмуриться и посмотрел на Даниэля так, будто услышал фразу на незнакомом языке.

— Ты был там до того, как Алису начали искать?

Даниэль снял мокрую перчатку.

— Да.

— Ты полиции сказал, что был на западном берегу.

— Знаю.

— Почему?

Даниэль посмотрел на меня.

— Я уже ответил на тот вопрос, на который собирался.

Марк коротко выругался.

Это было почти успокаивающе. По крайней мере, удивление выглядело настоящим.

— Прекрасно, — сказал он. — Значит, теперь у нас не одна загадка матери, а еще и твоя.

— Это не загадка.

— Тогда назови нормальное слово.

Даниэль не ответил.

Марк провел ладонью по лицу.

— Переоденьтесь. Вы оба льете на пол.

Он ушел в кухню.

Я осталась у двери.

— Он не знал, — сказала я.

Даниэль посмотрел вслед Марку.

— Теперь знает.

— Ты поэтому не хотел говорить при нем?

— Нет.

— Тогда почему?

Он открыл дверь на лестницу.

— У тебя талант превращать предупреждения в планы.

— А у тебя — превращать ответы в новые вопросы.

— Значит, у каждого есть занятие на неделю.

Он поднялся.

Я достала телефон.

В файле «ПОКАЗАНИЯ» напротив его имени стерла:

«20:00—22:20 — западный берег. Без маршрута».

И написала:

«После 20:00 — был у маяка до начала поисков. Полиции солгал. Причину не говорит».

Я перечитала строку.

Рядом с именами Марка, Виктора и Александра по-преж-

нему стояли вопросы.

Рядом с моим — фраза о ссоре, которую девятнадцатилетняя я назвала не имеющей отношения к последующим событиям.

Теперь только у Даниэля было слово, которого утром в таблице не существовало.

«Солгал».

Это не делало его человеком, о котором говорила Ева.

И не исключало остальных.

В доме вокруг меня было тихо.

Вчера я пыталась понять, кто из них лжет.

Сегодня вопрос стал хуже.

Сколько разных правд можно спрятать внутри одной и той же ночи?

ГЛАВА 9

Любовь

До обеда никто не спросил Даниэля, зачем он был у маяка. Это оказалось хуже вопросов.

Марк ушел в библиотеку и закрыл дверь. Александр сел в гостиной с телефоном и наушниками, хотя сеть работала настолько плохо, что любая деловая беседа превращалась в серию вежливых «повторите». Виктор исчез наверху.

Даниэль переоделся и спустился через двадцать минут. Сухой. Собранный. Как будто признание в полицейской лжи было еще одной мокрой курткой, которую можно оставить на батарее.

Я сидела на кухне с ноутбуком.

Он вошел, открыл холодильник и достал молоко.

— Марк сказал, ты ведешь таблицу.

— Марк много говорит, когда волнуется.

— Он сказал это как обвинение.

— Тогда точно волнуется.

Даниэль налил молоко в кружку с кофе.

Я смотрела на его руки, пока не поймала себя на этом и не перевела взгляд на экран.

— Я внесла твоё уточнение.

— Спасибо.

— Не благодари. Там написано, что ты солгал полиции.

— Значит, точно внесла.

— Тебя это вообще беспокоит?

Он поставил пакет обратно.

— Беспокоило пятнадцать лет назад.

— А сейчас?

— Сейчас меня беспокоит, что ты стояла у мокрого ограждения и смотрела вниз так, будто высота обязана тебе что-нибудь объяснить.

— Это называется смена темы.

— Да.

— Ты даже не скрываешь.

— Мы оба устали от неудачных попыток.

Он взял кружку.

— В десять вечера будет вторая запись.

— Я умею читать часы.

— Не сомневаюсь.

— Даниэль.

Он остановился у двери.

— Что?

Я могла снова спросить про маяк.

Вместо этого сказала:

— Если причина твоей лжи действительно не касается Алисы, почему ты не можешь назвать ее?

Он посмотрел на меня спокойно.

— Потому что она касается другого человека.

— Которого ты защищаешь.

— Я этого не сказал.

— Тебе не обязательно.

— Вот поэтому я и не рассказываю.

Он вышел.

Я добавила в таблицу новую колонку.

«Кого защищает».

Написала напротив Даниэля: «неизвестно».

Потом удалила.

Это была уже не информация. Версия.

К двенадцати дождь снова ослаб. Вода далеко внизу отходила от камней, открывая темные полосы берега. Нижняя дорога была проезжей, но паром отменили окончательно: на сайте перевозчика появилось короткое сообщение о ветре и следующей оценке условий утром.

Физически мы могли разойтись по острову.

Юридически — тоже.

Но к десяти все должны были вернуться.

Ева построила клетку без стен. Это раздражало больше, чем если бы она придумала замок.

В 12:37 Марк позвал меня в библиотеку.

На столе лежали распечатанные показания.

— Я добавил времена, — сказал он.

— Я не просила.

— Я знаю. Удивительный опыт.

Он подвинул лист.

Пять имен, события по горизонтали.

19:15 — Алиса уходит из дома.

Этого времени в официальных показаниях не было. Марк поставил рядом звездочку.

— Откуда?

— Из маминой домашней записи расходов электричества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.